

Наташа Солей

РУБЛЕВСКИЙ KAZANOVA

ИЛИ

КАСТИНГ

ДЛЯ НАСЛЕДНИЦ

Наталья Солей

Рублевский Казанова, или Кастинг для наследниц

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165609

Рублевский Казанова, или кастинг для наследниц: Центрполиграф; 2007

ISBN 978-5-9524-3261-1

Аннотация

Преуспевающий телемагнат Андрей Вольнов, несмотря на свой достаточно солидный возраст, чувствует себя молодым. Он невероятно удачлив, сделал блестящую карьеру, был дважды женат, но и теперь юные барышни испытывают к нему нескрываемый интерес, вступая в острую борьбу за обладание его рукой, сердцем и огромным состоянием. Он обожает молоденьких девушек, клянется им в любви, дает обещания, вселяет надежды... и продолжает поиск. При этом каждая из претенденток уверена в том, что именно она – женщина его жизни... После трагической автокатастрофы в огромном доме рублевского Казанова собираются близкие ему женщины, в одночасье превратившиеся в претенденток на наследство. Кто же победит в борьбе за миллионное состояние?

Содержание

Утомленный гламуром	4
Балийский синдром	26
Протеже	65
Посеявшая ветер	75
Американская дочь	86
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Наталья Солей

Рублевский Казанова, или Кастинг для наследниц

*Счастье существует лишь на проторенных
путях.*

Шатобриан

Утомленный гламуром

На срочную летучку в кабинете генерального продюсера телеканала ВТВ кворум собирался постепенно и неторопливо. Общий сбор был спонтанным и несвоевременным. Конвейерное дело горело, скворчало и кипело, а тут пожалуйста, все бросай и беги выслушивать очередную, как это здесь называлось, «прокачку ситуации».

– Буду сию секунду, – очаровательным голосом, источая доброжелательность, проворковала в ответ на личное приглашение шефа его первый зам и бывшая жена Алла Миркина. Внешне она являла собой образец типичной бизнес-леди. В свои сорок лет ухоженная до планки в двадцать пять и ни днем больше, уверенная в себе блондинка с кукольным лицом. Этакая Барби в годах. Правда, из-за резкости в общении и прямолинейности она не вызывала ассоциаций с по-

пулярной куколкой. Гораздо больше напоминала комиссара в юбке, получившего задание не выбиваться из гламурного формата.

Положив трубку, Алла стерла с лица улыбку, напускная приветливость мигом куда-то улетучилась.

– Вольнов всех собирает зачем-то. Срочно. Сто против одного: у него новое увлечение, вдохновившее на очередной шедевральный проект. Боже, дай мне силы вытерпеть эти приливы и отливы, – с томным безразличием проговорила она, не двигаясь с места.

– Расслабься и прекрати обращать на это внимание. Сколько можно? Новым увлечением здесь никого не удивишь. Культурный шок охватит массы, если такового не будет. Одна ты переживаешь каждую новую страсть, как в первый раз, – невозмутимо отреагировала сидящая напротив шеф-редактор музыкальных программ Алиса Лисовская.

Она была значительно моложе своей приятельницы, однако между ними оказалось много общего. Достаточно высокая самооценка, умение по-хозяйски относиться к жизни и все формальные признаки успеха: часы Cartier, кольцо и браслет от Tiffany, идеальный стайлинг от Жака Дессанжа, обязательные в этом сезоне сапоги от Тома Форда и белый кожаный костюмчик от Роберто Кавалли. В целом очень эффектно и смело, можно сказать, сногшибательно. Даже самые скромные внешние данные при таком обмундировании выстреливают. Именно этот катаклизм и произошел с гад-

ким утенком Алисой, вовремя понявшей, что даже бриллиант в грубой оправе может потерять свою красоту, что уж говорить ей, обладательнице близко посаженных глаз и огромного орлиного носа? Натуральная Барбра Стрейзанд, только без ореола славы, а главное, без каких-либо предпосылок ее завоевать. Ни голоса, ни сокрушительного обаяния голливудской кинодивы у Алисы не было. Оправа – одно спасение. И Алиса стала шлифовать именно ее. Годы поджимают, а она в свои двадцать семь все еще не замужем и до сих пор не живет в доме на Рублевке, что просто недопустимо при желании владеть полным комплектом признаков успешности, которые, как ей казалось, и ведут к настоящему счастью.

Вот так, стремясь соответствовать формату успеха, Алиса, как и ее старшая подруга, стала типичным брендоносцем, точнее брендоносицей, что звучит менее благозвучно и уже не так сильно навеивает исторические ассоциации, но зато отражает общую тенденцию. Все брендоносцы искренне убеждены, что обилие фирменных знаков на одежде усиливает их значимость и вес в обществе. В определенном смысле они, конечно, правы. Встречают-то по одежке. Правда, брендоносная Алла Миркина, обладающая всеми атрибутами успешности, включая проживание на Рублевке, не была образцом счастливой женщины. Это всегда немного смущало Алису, во всем подражавшую подруге, которая и сблизилась с ней именно потому, что Лисовская готова была выслушать ее излияния.

Выслушивала, сочувствовала, успокаивала и в глубине души мечтала о том, что когда-нибудь сама будет рассказывать о проблемах с собственным венценосным мужем своей почитательнице, для которой теперь уже Алиса станет образцом для подражания. Ну а пока у нее дома на Рублевке нет, мужа нет, надо слушать тех, у кого этот самый муж имеется, точнее, имелся, хотя законные узы с ним еще не разорваны.

Алиса сидела в кресле напротив подруги, вытянув вперед руки и любуясь своими пальчиками. До работы она успела заскочить в салон и сделать маникюр. Полированные, ухоженные ноготочки радовали глаз. Неотразимая Алла, некоторое время витавшая где-то в своих мыслях, вдруг решительно согласилась со своей молодой подругой.

– Точно. Все переживаю, как в первый раз. Сколько можно? – удивилась она самой себе. – Но я с этим борюсь. И во все не то раздражает, что у него бесконечная череда романов, а то, что у меня все в прошлом, а у него есть будущее.

– Такова женская доля. – Алиса, налюбовавшись маникюром, была готова к диалогу. – Но к ней надо относиться философски. Женщину прошлое украшает. Уайльд, между прочим, говорил, что любит мужчин с будущим, а женщин – с прошлым.

– Он так много говорил по всем поводам, что замучаешься цитировать. К тому же в этом вопросе Уайльд явно не авторитет. Писателя женщины в принципе не интересовали, вот ему и наплевать было на их будущее.

– Все зависит от самонастроения. Полно мужчин, которых интересуют женщины с прошлым. Могу сообщить тебе интересную новость. Я недавно прочитала, что время Лолит заканчивается, скоро в моду опять войдут барышни с историей, а значит, с загадкой... как Джоконда.

– Неужели?

– Научно доказано на материале многовекового опыта.

– А мой личный опыт доказывает, что пока спросом пользуются все-таки молоденькие. Но, честно говоря, эта тема меня волнует в самую последнюю очередь. Я не собираюсь заводить никаких романов.

– Так что же тебя тогда волнует? – недоумевала Алиса.

– Компания меня волнует. Недвижимость, оба ресторана, налаженное производство, да много чего еще. Волнует, что в конце концов найдется какая-нибудь барышня, которая сумеет заставить Вольнова потребовать официального развода со мной и женить на себе. Чувствую, к этому идет, и тогда все мои труды насмарку. Я могу остаться ни с чем.

– Сомневаюсь. Женить пытались многие, но, кроме тебя, сделать это никому не удавалось, – с улыбкой заметила Алиса. – Бумеранга опасаться?

– Между прочим, в таком случае могу пострадать не только я. Жена генерального продюсера телевизионной компании – это профессия, которая требует соответствующей должности. Новая метла выметет всю прежнюю команду и наберет новую.

– Не исключено, – посерьезнела Алиса.

– Он же думает только о себе, – завелась Миркина. – Считает, что ребенку не надо ничего оставлять, кроме небольшого стартового капитала, чтобы не лишить его мотивации. Он не молод. Мужчины в нашей стране живут недолго, в среднем до пятидесяти шести. А ему, между прочим, через семь лет будет семьдесят. На том свете уже прогулы ставят. Сию секунду с ним может случиться что угодно. И кому тогда все достанется?

– Ну, если сию секунду, то тебе. – В голосе Алисы проскользнули нотки скрытой зависти.

– Меня не покидает какое-то странное чувство тревоги, – призналась Алиса. – Я ужасно нервничаю в последнее время. Стараюсь понять, что такое со мной, и не могу.

– Ты просто устала, сама себя накручиваешь. Тебе надо куда-нибудь съездить развеяться, завести роман.

– Завести роман! Вот у тебя единственная панацея от всех бед.

– Почему только у меня? Это на самом деле лучшее лекарство от хандры и необъяснимой тревоги. Ты же обожаешь психоаналитиков. Сходи, и тебе скажут то же самое. Измени привычный ход жизни и увидишь ее по-новому.

– Может, ты и права. Кстати, Вольнов именно так и делает.

– И заметь, прекрасно себя чувствует. Как сказал поэт: «Дух рыцарства переместился в женщин...» Такое время. Мужчины – безответственные создания, думают только о

своём душевном комфорте, ищут муз, вдохновения, забвения в любви, избегая старости всеми доступными способами. Надо это принять, а чтобы не злиться и не хандрить, научиться поступать так же. Вот Вольнов съездил в очередной раз отдохнуть – сразу новости, и, скорее всего, опять влюбился. А ты возьми и тоже влюбись или выкинь какой-нибудь фортель. От тебя-то он точно ничего такого не ожидает. Ты можешь его встряхнуть.

– Возможно, возможно, еще и встряхну, – задумчиво проговорила Миркина.

– Вот и отлично, – облегченно вздохнула Алиса, почувствовав, что кризис бурного раздражения по отношению к начальству у собеседницы прошел. – Теперь мне ход твоих мыслей нравится. Значит, говоришь, всех собирает?

– Абсолютно. Событие планетарного масштаба, – уже со свойственной ей иронией поведала Алла.

– Может, покурим? – невинно предложила Алиса, решив закрепить достигнутое подругой душевное равновесие.

– Он уже давно ждет. Срочно надо бежать, да я и не курю в кабинете... Впрочем, видимо сегодня день имени форс-мажора. Пока нас не будет, все проветрится. – Отбросив сомнения, Алла достала из ящика стола пачку «Вога» и протянула ее подруге.

– Конечно, проветрится, – согласилась Алиса, вытягивая сигарету из пачки. – Вообще-то я бросаю, но одна сигарета в день, говорят, даже полезна.

– Врут.

– А кто не врет?

– Все врут. И мы всем врем, и нам все врут. Круговая порука. – Миркина с олимпийским спокойствием медленно потягивала сигарету, откинувшись на спинку кресла и мечтательно глядя в потолок.

– Мы уже опаздываем со страшной силой, – не слишком куда-либо торопясь, заметила Лисовская.

– И не говори. Жутко опаздываем. Надеюсь, за это время он уже проговорит свой спич о великой роли рейтинга и неизменном падении уровня культуры при ее демократизации, которую подарило людям развлекательное телевидение.

– Меня эти его «откровения» тоже укачивают. Как хорошо, когда он отдыхает на своих Багамах.

– В прошлый раз был на Багамах, а в этот на Бали. Только потом он возвращается, и в нем вдруг просыпается деловая активность. Как будто на время его отдыха наша кнопка отключается и здесь ничего не происходит. Ладно, теперь я готова все выслушать по новой, – решительно сказала Алла, резко дав в пепельнице недокуренную сигарету. – Жаль, что не сначала, но у нас же была встреча?

– И пробки, – в тон ей с невинным видом подала не менее «оригинальную» идею Лисовская.

– Не говори. Пробки – чума двадцать первого века. Рванули. Вот духи, спрей для рта, жвачка. Выбирай. Не надо раздражать шефа. Он терпеть не может табачного запаха.

– Да, не будем его раздражать, – миролюбиво согласилась Алиса, торопясь загасить свою сигарету.

Дамы проворно встали, на ходу уничтожая запах табачного дыма всеми предложенными Аллой средствами, и с видом деловой озабоченности стремительным шагом направились в кабинет шефа. Он уже озвучивал свое традиционное обращение к собравшимся. Почти все стулья по периметру огромного стола заседаний были заняты, но два почетных места возле шефа дожидались опоздавших. Вновь прибывшие стали жестами показывать, что говорили по телефону, принимая срочное сообщение, изображая горячее смущение и готовность мгновенно влиться в процесс обсуждения наболевших проблем телеканала. Вольнов, не прерываясь, тоже жестом пригласил их сесть, продолжая говорить, а собравшиеся – слушать с видом крайней заинтересованности во всем происходящем. Некоторые даже что-то старательно записывали.

Лисовская с интересом глянула, что же такое из услышанного записывает шеф-редактор программ популярной юриспруденции Оля Злобина. Оказалось, сочиняет очередное объявление о наборе авторов в свою программу, пытаясь лаконично выразить словами фантастические перспективы, обходя стороной потогонный режим ежедневного эфира. Все занимались своими делами, мыслями были далеко, а некоторые просто спали с открытыми глазами. Но вдруг забрезжило едва уловимое оживление. Настал момент истины.

– В связи со всем вышеизложенным у меня давно зародилась мысль, ради которой я вас всех и созвал. Нам необходимо производить свои собственные сериалы, – сообщил собравшимся главную весть Вольнов. – Это самый востребованный продукт. Все каналы снимают для себя, а мы почему-то до сих пор этого не делаем. Реалити-шоу и вообще все шоу хороши, но без сериалов мы теряем определенную часть аудитории, которой нужно помочь убить время между работой и сном. Этой аудитории необходима упорядоченность бытия и сознания, то есть люди должны знать, что, придя с работы в семь часов вечера и поужинав, в восемь они могут включить телевизор, чтобы встретиться с любимыми героями. На других каналах все банально, а мы сделаем бомбу. Наши героини будут чертовски красивы, а главное – в основном топлес. Страсть, любовь, фантазия. Оторваться будет невозможно.

– Понятно, а что требуется от нас? – спросила Миркина.

– Практически ничего. Мы тут с Арнольдом Мартыновичем уже провели кое-какую работу. Все просчитали. Со временем начнем отбирать сценарии – оригинальные, написанные нашими авторами, с ситками связываться не будем, эта ниша уже занята. Сейчас готовится пилотный вариант. Короче говоря, мы даем деньги и получаем готовый продукт по уже отобранному мной оригинальному сценарию. Думаю, это может произвести громкий взрыв. Мы давно ничего не «взрывали», пора напомнить о себе.

– Я так понимаю, Кардиналов как финансовый директор и будет курировать это направление? – не унималась Миркина.

– Только поначалу.

– Отлично. Начало – это года два, а там мы уже будем сами ориентироваться, – удовлетворенно заметила Алла.

– Именно так. А вы не хотите почитать синопсис сериала, выбранного мной?

– Так он ведь уже отобран. Скажите только, в чем суть, – озвучила общее мнение Оля Злобина.

– Собственно тема понятна из названия, – сообщил довольный собой Вольнов. – «Стриптизерши». Все действие происходит в стриптиз-клубе, за кулисами. Кто-то на работе находит мужа, кто-то теряет, и все это время готовится новое шоу. Музыка, красивые лица, великолепные фигуры топлес. Это будет иметь грандиозный успех.

Вольнов победоносно посмотрел на окружающих, но выражения лиц собравшихся не изменились никоим образом. Надо сказать, что безразличие аудитории его неприятно удивило. Сначала удивило, а потом даже немного обидело.

Владелец компании и весьма успешного развлекательно-го телеканала Андрей Константинович Вольнов рассчитывал на другой эффект. С утра вспомнил, что давно не общался со своими сотрудниками, а ведь есть что им сказать, чем встряхнуть, поделиться своими соображениями, наконец. Он был убежден, что в дальнейшем это несомненно наилучшим образом скажется на общем настроении, прибавит

адреналина. А получилось... Никак не получилось... Грустно... Людей уже ничего не интересует, кроме денег, конечно, и даже не шокирует.

Вообще-то Вольнов был отличным организатором и прирожденным руководителем. В глубине души он тосковал по прежним временам с планерками, собраниями, звонками сверху и умелому лавированию в темных водах двойных стандартов. Правда, в советское время нынешний телемагнат был всего лишь популярным телеведущим и в полной мере проявить свои таланты не мог. Зато в числе первых сориентировался, вовремя подсуетился. Когда другие только соображали, куда бежать и что делать, он за смешные деньги приватизировал все, что только можно было приватизировать, и создал собственную телевизионную компанию с мощной технической базой. Это был уже капитал, приносящий немалые доходы и дававший возможность расширяться. Вольнов открыл два ресторана, приобрел небольшой мясо-молочный комбинат... Короче, чего у него только не было, и все это приносило отличные доходы, но излюбленным детищем все же оставалась телекомпания, и в ее работе он принимал весьма деятельное участие.

Вольнов всегда чувствовал, что хочет видеть зритель. Он сразу отказался от всяких политических предложений, от соблазна поддерживать ту или иную партию. Кто там из них победит, неизвестно, и нечего рисковать. Надо идти по пути развлечения масс. Эта беспроектная игра, он сделал

в ней ставку, о чем ни разу не пожалел, и со временем стал владельцем целого канала. Он был богат, успешен и в свои почти семьдесят лет все еще пользовался заслуженным успехом у женщин на дрожжах былой славы ведущего некогда смелой и, как бы сейчас сказали, продвинутой развлекательно-политической программы.

Все складывалось как бы замечательно. Но сейчас на летучке Вольнов вновь почувствовал то, что его тревожило в последнее время. Эта индифферентность ко всему происходящему, потухшие взгляды, вялые реплики. Работают-то в основном молодые. Неужели уже устали? И когда же они успели?

Он оглядел всех присутствующих. Только Алла Миркина дала понять, что ей есть что изречь.

– Да, пожалуйста, вы что-то хотели сказать, Алла Григорьевна?

– Хотела, да... – Выдержав небольшую паузу, она сразу подвела итог затянувшемуся, на ее взгляд, заседанию: – Мы рады, что у нас появилось столь интересное новое направление. Перспективы отличные. Это естественно: у нас самый успешный канал. Что мы и доказываем каждый день, и, если не возражаете, Андрей Константинович, мы пойдем доказывать это дальше в сегодняшнем эфире.

– Да, конечно. В общем, у меня все. Если нет вопросов, то все свободны, а вы, Алла Григорьевна, пожалуйста, задержитесь.

– У меня эфир.

– Эфир у вас завтра вечером. Думаю, вы успеете. У меня к вам только один вопрос.

– Если только один, то успею... – неопределенно проговорила Алла, с тоской глядя на оживившихся коллег, неожиданно резво ретирующихся из кабинета шефа.

Наконец дверь затворилась, и они остались наедине. Вольнов демонстративно отодвинул бумаги, лежавшие перед ним на столе, и вальяжно откинулся на спинку кресла, всем своим видом давая понять, что беседа будет продолжительной.

– Алла, давно хотел с тобой поговорить по душам, узнать твое мнение... – он немного замялся, – посоветоваться, наконец. Ты лучше знаешь обстановку в компании. Скажи мне, что происходит?

– А что такое? – искренне не поняла Миркина, удивленно глядя на своего бывшего мужа. За долгие годы общения с ним она не могла вспомнить, чтобы в его словаре хотя бы единожды промелькнуло слово «посоветоваться». Вольнов не относился к людям сомневающимся. Он всегда все и знал, понимал, делал лучше всех. Это было его основным и глубочайшим убеждением. Мнение окружающих по какому бы то ни было вопросу его просто-напросто не интересовало. И вдруг он оставляет ее для разговора по душам, хочет узнать ее мнение, которым уже очень давно не интересовался.

«Может быть, у него нашли какую-нибудь неизлечимую болезнь?» – подумала Алла и осторожно спросила:

– Как у тебя дела? Со здоровьем все в порядке?

– Здоровье в порядке. Я не о себе, а о тех, с кем мы работаем. Что происходит? Почему такое безразличие ко всему происходящему, такое жуткое равнодушие по отношению к жизни?

– Откуда такие выводы?

– В глазах прочитал. В их пустых, тусклых глазах, которые загораются только при взгляде на Бенжамина Франклина и то когда он клонирован не менее пятидесяти раз.

– Что в этом такого? Деньги – эквивалент востребованности и значимости человека.

– Из всякого правила есть исключения. Такое исключение – творческие люди. У нас работа созидательная, мы развлекаем народ. Чтобы делать это хорошо, надо генерировать хорошее настроение, интерес к жизни во всех ее проявлениях. Откуда этот пофигизм? Почему никому ничего не интересно? Ты можешь мне объяснить? Я затеваю очень серьезный проект, у меня колоссальные планы, а тут все еле двигаются.

– Когда надо, все очень даже подвижны. Просто исключения лишь подтверждают правила. Люди работают для того, чтобы жить, а не ради удовольствия. Повторяю, твои «Стриптизерши» не имеют к ним отношения, вот им и пофигу. Этот колоссальный проект будет снимать другая команда, и, возможно, кому-то придется подвинуться, кто-то вылетит из эфира, потеряет работу...

– Никто ничего не потеряет. И «Стриптизерши» тут ни

при чем. Это для внутреннего рынка. Я говорю уже о другом проекте, о выходе на международный уровень, – нетерпеливо перебил ее Вольнов.

– А нас там уже ждут? – скептически спросила Алла.

– Пока нет, но интерес за океаном появился. Не хочу пока ничего говорить, чтобы не сглазить... Сама понимаешь... Все еще очень эфемерно, но думаю, это будет мощный прорыв.

– Охотно верю. У тебя безошибочное чутье. Будем ждать, когда твои планы примут реальные очертания, тогда и сообщишь всем об этом. Международный уровень никого не оставит равнодушными. Никто не откажется претендовать на «Эмми».

– Вот именно. «Тэффи» у нас полно. Надо поднимать планку. Главное – попасть в номинацию.

– «Тэффи» – не такая уж низкая планка... – уклончиво заметила бывшая супруга.

– Ладно, мы сейчас обсуждаем другой вопрос. За двадцать лет нашей совместной жизни я успел оценить твой дипломатический дар и умение уходить от прямых ответов, лавируя в темных водах моего настроения. Ты всегда все видела, понимала, но никогда не высказывала своих соображений.

– Потому-то мы и прожили с тобой достаточно долго.

– Именно. Знаешь, ни одна женщина не сможет мне тебя заменить, и доверяю я только тебе. Потому и сейчас сам прошу: объясни мне, что происходит? Я чувствую, что-то не

так, но что? Может быть, я теряю нюх? Устарел?

– Ты устарел? При твоей жажде новых впечатлений и проектов никому такое и в голову не придет. Правда, в тебе что-то все же изменилось.

– И что же?

– Ты мне льстишь, и это меня пугает.

– Почему?

– Ты мне никогда не говорил, что доверяешь только мне и все такое.

– Прецедента не было.

– Да, это верно. Только раз я высказалась по поводу твоего очередного романа – и по сей день жалею. Тогда ты тоже готов был поговорить по душам, я и расчувствовалась. И что? Ты мне сказал, что готов все исправить, что мы устали друг от друга, что я перестала тебя понимать и ты пойдешь туда, где это понимание есть. Что такое? Там тоже все закончилось? Что-то быстро.

– Нет. Все нормально. Просто у тебя опыт, житейская мудрость.

– Отлично. Значит, сначала мы перестали быть мужем и женой, а теперь ты хочешь порвать со мной и партнерские отношения?

– Напротив, хочу посоветоваться.

– Чтобы услышать то, что хочешь слышать?

– То, что ты скажешь.

– Знаешь, мне нравится моя работа и приятно, что ты ре-

шил со мной посоветоваться, а потому хочу уверить, что тревоги твои напрасны. Повторяю, все озабочены своими делами. Каждый новый конкурентоспособный проект вызывает у них настороженность. Да, люди хорошо зарабатывают, но они и работают как каторжные. Половина наших программ идут в эфире ежедневно. Это конвейер, а у тех, кто работает на конвейере, все отработано до автоматизма и думать о блеске в глазах им попросту некогда. Ты предложил замечательный проект. У тебя есть чутье. Будет высокий рейтинг, но лично этот проект никого не затронул. Все сразу сообразили, что из наших в нем никто не задействован. Это будет делать другая команда. Вот почему спокойно выслушали и побежали выполнять свою работу. Уверяю тебя, на международные перспективы отреагируют иначе.

– Секунду... ты упрекаешь меня в том, что я часто уезжаю отдыхать?

– Я об этом вообще не говорила. Сейчас у многих есть возможность раз в два месяца ездить к морю. Никто от нее не отказывается. – Чувствуя, что у Вольнова стало портиться настроение, Алла решила свернуть разговор. – Все же думаю, что тебя беспокоят какие-то внутренние разногласия и личные переживания. Я вряд ли смогу тебе помочь, мы давно стали чужими. Тебе, мне кажется, имеет смысл обратиться к психоаналитику. Там действительно окажут квалифицированную помощь.

– Спасибо, конечно, за совет, но ты прекрасно знаешь, что

я терпеть не могу этих психоаналитиков и к ним не хожу. И вообще в личном плане у меня все замечательно.

— Понимаю. А что Матильда сегодня не удостоила нас чести своим присутствием?

— Не знаю. Вроде плохо себя чувствует. Не знаю, не виделись с утра...

— Ты, надеюсь, не об этом хотел со мной поговорить?

— О чем хотел, о том поговорил. Хотя ждал несколько иного разговора. Ладно, буду разбираться сам. Хочу на пару дней уехать на дальнюю дачу в Звенигород. Надо побыть одному, подумать.

— А на ближней ты уже не один?

— Ну почему? Один.

— Как-то неуверенно ты это говоришь.

— Да просто меня раздражает дорога. На дальнюю я быстрее в два раза добираюсь по Минке. И вообще на Рублевке мне нет никакого покоя. У соседей чуть ли ни каждую неделю приемы закатывают. Весна теплая выдалась. Впрочем, их никакая прохлада не останавливает. Закупили уличные обогреватели, тент стоит на случай дождя. Гуляют при любой погоде. Мне каждый раз присылают приглашения. Если я там, то неудобно не пойти, а мне сейчас не до тусовок... Мне там скучно...

— Гламурное переутомление?

— Еще какое. Не понимаю, что ты так туда рвалась?

— Ты прекрасно знаешь почему. Тогда ты был вполне до-

волен, сохранив свой статус обитателя Рублевки, причем не в качестве бедного родственника, а в своем собственном доме. Кстати, покупать второй дом я тебя не заставляла. Ты сам так решил, хотя, судя по частоте твоих посещений нового дома, вполне мог обойтись без него, а если бы захотел, то мог приезжать к нам с Артемом.

– Мог бы. Не знаю, зачем купил. Хорошее вложение денег. Хотя если так пойдет и дальше, то оттуда все начнут потихоньку сбегать.

– Сто лет не сбегали. С царских времен все туда рвались, и сейчас не прекратят. Вертолеты, например, заведут. Я выезжаю на работу рано. Приспособилась. Пробки меня не особенно угнетают.

– Ради понта ты готова терпеть и не такие неудобства. Ладно, если бы ты не работала, но каждый день тратить по пять часов на дорогу... Не понимаю... Все покупают дома на Рублевке, а мы что, рыжие? И мы купим. И мы хотим быть соседями президента. Может, он соберется в гости заехать, с вопросом каким-нибудь заболевшим, а тут и мы, вот они, пожалуйста, Владимир Владимирович, спрашивайте, мы мигом сообразим и дадим совет, как искоренить в стране коррупцию. У меня сосед большой спец по этому вопросу. Не помню, откуда он, короче, возглавлял налоговую службу то ли в Ростове, то ли Вологде, не в том суть. Потом приехал в Москву, стал недвижимость скупать, вот теперь соседствуем. Большая Россия, и отовсюду едут, причем все на Рублевку.

– И не говори, понаехали... – не сдержала улыбки Алла.

– Вот именно. Понаехали, и теперь ни туда, ни оттуда не выберешься. Самое престижное времяпровождение – стоять в пробке на Рублевке.

– Все ясно. – Алла решила резко закончить разговор, который начал заходить в тупик. – Это не для тебя, ты помнишь времена и получше... Ты принял правильное решение. Съезди, развейся... А я пойду, пожалуй...

– Да, конечно... Спасибо, что выслушала, – сказал Вольнов, криво улыбнувшись.

– Тебе спасибо, что доверяешь. Береги себя.

– Постараюсь.

Алла неторопливо поднялась с места. Можно было бы остаться и, наконец, действительно поговорить по душам, высказать наболевшее, ведь столько всего накопилось... Невысказанность же – лучший способ окончательно угробить любые отношения. Интересно, конечно, что это за международный проект он замыслил. Хотя, возможно, сказал это так, для красного словца, чтобы заинтриговать, не более того. Однако поговорить о будущем компании необходимо, и проблема возраста стоит у него не на последнем месте. Во всяком случае, отдыхает он с большим энтузиазмом, нежели работает. Но темы эти очень трудные. Она знала непредсказуемый характер Вольнова, который любое высказывание может перевернуть с ног на голову. Возможно, сейчас ему действительно необходима ее помощь, но сколько раз она

нуждалась в его участии и никогда его не находила. Что ж, пусть наконец узнает, каково это, когда от тебя отдаляются те, в ком ты был уверен и на кого надеялся.

Балийский синдром

Что же произошло на острове? «Боинг» авиакомпании «Трансаэро» должен был вылететь из Москвы на Бали в половине первого ночи. Он бы и вылетел, но в последний момент оказалось, что одна из пассажирок, готовясь к двенадцатичасовому беспосадочному полету, переусердствовала и напилась в такой хлам, что ей сначала вызвали врача, а потом и вовсе сняли с рейса. Все это время приготовившиеся к взлету и оставшиеся на борту двести человек нервно молчали, прокручивая в голове вполне логичный вопрос: если такое начало, то что же будет дальше? Дальнейшие события для некоторых представлялись русской рулеткой, однако добровольно никто покидать самолет и откладывать поездку не стал. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет – отдавая себя в руки судьбы, обреченно рассуждали пассажиры «боинга», поглядывая в иллюминаторы, откуда был виден автокар со служащими, приехавшими снимать багаж упившейся дамы.

Наконец процедура была успешно завершена. Стюардессы призвали пристегнуть привязные ремни, все оживились, стали распаковывать выданные всем носочки, пледы, беруши, повязки для глаз.

Через проход от Вольнова сидела женщина приятной наружности, явно иностранка, судя по западному выражению

лица, как сформулировал для себя Андрей Константинович, неминуемо отличающему «наших» от «не наших». В чем эта западность выражается, понять он не мог. Нечто неуловимое. Потенциальная доброжелательность, что ли... У него возникло ощущение, что где-то он ее видел. Возможно, на каком-то мероприятии или на переговорах. Лицо определенно знакомое.

– Я, когда беру это в руки, – по-английски обратился Андрей к незнакомке, крутя в руках повязку, – почему-то всегда вспоминаю Венецию, их маски, карнавал. Если сделать прорези для глаз, отличная маска получится.

В ответ дама слегка улыбнулась ему, но ничего не ответила.

– Вы бывали в Венеции? – пошел на второй заход Вольнов.

– Бывала не раз, – коротко ответила дама, видимо не расположенная к беседе.

– Возможно, там я вас и видел, – сделал радостное заключение Вольнов.

– Возможно, – лаконично согласилась дама.

– Не хотите выпить? – не сдавался Андрей.

– Я бы не отказалась, но правила этого не допускают, а значит, и я не хочу.

– Приятно познакомиться со столь законопослушной гражданкой. Вольнов Андрей Константинович, – считая, что пришло время представиться, сообщил он свое имя и протянул визитку.

– Люси. Люси Магвайер. – Поняв, что сопротивление бесполезно и попутчиков так же, как родственников, не выбирают, она достала из сумочки свою визитную карточку.

Сидевшая у окна Матильда спокойно отреагировала на оживленную беседу своего спутника с соседкой слева. Правда, в свой адрес со времени отъезда из Москвы в аэропорт она слышала лишь несколько фраз, типа «где билеты?», которых уж никак нельзя было не произнести. Всем своим видом Вольнов давал понять, что тяготится ее обществом. А показательный флирт, который он завел сразу, как только самолет стал набирать высоту, – это лишь продолжение линии, проводимой им в последнее время. Эта линия должна была привести к полному разрыву их связи.

Однако Матильда категорически отказывалась замечать изменения в отношениях, которые, надо сказать, никогда не отличались особой преданностью с его стороны. Она сразу решила, что соседка через проход ей не соперница, поскольку совершенно не входит в круг вольновской избирательности. Девушки после двадцати пяти лет ему уже давно не нравятся, этой же даме определено далеко за тридцать, если не за сорок. При нынешнем развитии косметологии определить возраст женщины – занятие трудное и малоперспективное. Для Вольнова она явно некондиция, несмотря на холеность и очевидную привлекательность.

«Нет, опасности она никакой не представляет, – оценивая оглядев попутчицу, подумала Матильда и надела на гла-

за повязку. – Пусть общается с ней. Если он это делает демонстративно, то меня на испуг не возьмешь. Будет так, как я захочу. Он кокетничает с первой встречной, а я буду спать все двенадцать часов. Его старания спровоцировать меня на скандал – пустое дело. У него своя игра, а у меня своя».

Матильда заснула или сделала вид, что заснула. Вольнову было безразлично. Он тут же достал бутылку виски и вновь предложил новой знакомой составить ему компанию. На этот раз она согласилась. Они немного поболтали – кто где бывал, кто что видел. Дама сказала, что летит на Бали, где условилась встретиться с мужем. Они собирались отметить очередную годовщину свадьбы. Вольнов тут же сообщил, что ни с кем не связан столь тесными узами и считает их анахронизмом. Попутчица деликатно заметила, что, по ее наблюдению, он путешествует не один.

– Не люблю ездить один. Девушка взялась сопровождать меня, но это ничего не значит.

– Совсем ничего? – искренне удивилась попутчица.

– Абсолютно, – беспечно заверил ее стареющий плейбой.

Еще совсем недавно он ни за что не сделал бы подобного заявления. Но в данной ситуации на то было две причины. Во-первых, дорожное знакомство ни к чему не обязывает. Иной раз совершенно посторонние люди, особенно в поездах, заключающих пассажиров в небольшое пространство на целые сутки, рассказывают о себе такие вещи, которых не доверили бы близким друзьям. А во-вторых, Вольнову со-

вершенно необходимо было вслух произнести то, что давно зрело в его душе, требующей свободы. И виной тому сама Матильда, которая на протяжении уже долгого времени сопровождала его во всех вояжах. Брал он ее с собой больше по привычке, а не из желания быть вместе с ней. Поначалу она ни в чем ему не перечила, не высывалась, знала свое место, чем и устраивала Андрея Константиновича. Но в последнее время, видимо решив упрочить их отношения простым и проверенным способом, к месту и не к месту стала говорить о детях, используя при этом дедуктивный метод – от общего к частному. Сначала она восторгалась каким-нибудь ребенком, или детской мебелью, или фильмом, но неизменно ее спич заканчивался коронной фразой:

– Ах, ну как же будет славно, когда у нас появится малыш.

Вольнов поначалу не обращал внимания на ее уловки. Но постепенно они стали его напрягать.

Она повсюду расставила свои и его детские фотографии и постоянно предлагала их рассматривать, неизменно переводя разговор на свою излюбленную тему.

– Он будет такой же красивый, как я, и такой же умный, как ты. Представляешь? – проворковала она однажды.

– С трудом. Только этот вопрос я уже слышал.

– Да, знаю. У тебя было две жены.

– Нет, его задала одна актриса Бернарду Шоу, – спокойно ответил Вольнов.

– И как он отреагировал на ее предложение?

– Спросил, а если будет наоборот?

– Ну, в нашем случае такой поворот не представляет опасности. Не такая уж я дура, а ты и вовсе красавец.

– Я и не говорю, что ты дура. Наоборот, при более чем скромных профессиональных возможностях добиться эфира и моего расположения... Это уже кое-что. Действительно, в голове у тебя кое-что должно быть, но... боюсь, ребенку этого будет маловато. Что до моей красоты, то, скажем, в женском облике я буду не так привлекателен. Не так страшен черт, как его малютки... – лениво парировал Андрей.

– Не понимаю, ты не хочешь, чтобы у нас был ребенок? Ты все время стараешься уйти от серьезного разговора, – не выдержала Матильда.

– Серьезного? О чем? – искренне удивился Вольнов. Он, как всегда, был далеко в своих мыслях, мало следил за ходом беседы, совершенно не вникая в смысл слов партнерши.

– Ты надо мной издеваешься?! – вспыхнула она.

– Нет, конечно. Просто я устал и никаких серьезных разговоров вести не в состоянии. Надо будет съездить куда-нибудь, развеяться. Сейчас я не готов обсуждать эту тему.

– Может быть, обсудим ее на отдыхе? – с надеждой спросила Матильда.

– Не исключено. Как пойдет, – уклончиво ответил Вольнов и с тех пор всеми силами старался свести общение с юной подругой к прожиточному минимуму. То есть заговаривал с ней только в экстренных случаях, если она забывала

выключить воду в ванне и могла залить соседей. Но чаще это были короткие распоряжения, чтобы вовремя сдать в чистку костюмы, купила билеты, приготовила завтрак и все в таком духе.

В самолете, где стюардессы постоянно разносили соки и кормили каждые два часа, тем для разговора с ней просто не было.

Чем настырнее вела себя Матильда, чем конкретнее становились ее притязания, тем активнее отдалялся Вольнов, в котором зрело устойчивое желание расстаться со столь упорной претенденткой на его руку и сердце.

Конечно, новая знакомая никоим образом не могла бы претендовать на место Матильды, а тем более занять его. И дело не в том, что она замужем. Это вообще не проблема, по мнению Вольнова. Другой вопрос, что Людмила, или, как она представилась, Люси, несмотря на свою очевидную привлекательность, действительно была не в его вкусе. Совсем не юное создание, а весьма деловая прагматичная особа. Ее лицо не случайно показалось Вольнову знакомым. Люси сама подсказала ему, что они действительно встречались в коридорах студии, к тому же она изредка принимала участие в некоторых ток-шоу как знаток жизни на две страны и настроений русской эмиграции в Америке.

Люси Магвайер на самом деле была экспертом в этом вопросе. Она и сама жила на две страны, в последнее время все чаще стала появляться в России, но уезжать из Америки не

собиралась, в отличие от родителей, которые, по ее рассказам, эмигрировали, как многие, в конце восьмидесятых, а в конце девяностых вернулись обратно.

Постепенно попутчики разговорились. Они давно перешли на русский. Люси поведала историю переезда ее родителей в Нью-Йорк. Они давно рвались туда – в России жизни никакой, джинсы купить – проблема, жвачку – тоже.

Вольнов лениво слушал ее, но спать не хотелось. Фильм «Пираты Карибского моря» он видел, а живая беседа сокращала время в полете. Люси вообще не могла спать в самолете, потому неожиданное общение ее тоже обрадовало. Поняв, что попутчик готов взять на себя роль слушателя, она с удовольствием стала рассказывать о себе. Для Андрея ее голос звучал «белым» шумом, сливающимся с урчанием двигателей. Но при этом он все же реагировал на все ее реплики, и вполне своевременно.

– Отец у меня совершеннейший экстремист. Не знаю, откуда это пошло, может, от воспитания, может, еще от чего-то. Всю жизнь был антикоммунистом.

– Правда? – без особого интереса спросил Вольнов, только чтобы поддержать беседу. – Я жил в другой среде. Мне это не близко.

– Знаю, знаю. Власть вас опекала. Зачем кусать кормящую руку.

– Вот именно. А вашего отца, значит, власть держала на голодном пайке?

– Ну уж нет, мой папенька в любой ситуации и при любых режимах выживет. – Она немного помолчала, как будто что-то вспоминая, и проговорила скорее себе, чем собеседнику: – Он у меня, как выяснилось, человек-загадка. Много нового о нем узнала совсем недавно. Немало мне рассказал, вот и решила приехать в Россию. – Она спохватилась и продолжила уже совсем другим тоном: – Его всегда заботил вопрос душевного комфорта. При этом он был членом партии, но тогда не было иного выхода.

– Ну да. Без этого карьеру не сделать.

– И еще, чтобы ее сделать, надо было сотрудничать с КГБ.

– Да? Я не сотрудничал, и вроде что-то получилось.

– Видимо, у вас была другая ситуация. Вообще с трудом разбираюсь в той жизни, а вы меня еще и сбиваете. Если не интересно, то я могу не рассказывать.

– Рассказывайте, у вас такой приятный голос, моторы рокочут так успокаивающе, я вспоминаю прошлое, мне кажется, что я молодой, но сейчас здесь, с вами, и меня вербует КГБ.

– Это было бы крайне непатриотично. Я гражданка Соединенных Штатов и вербую вас в ЦРУ.

– Тоже неплохо, – лениво отозвался Вольнов. Ему нравился этот безответственный треп, напоминавший о былой жизни и ничего общего с его личными представлениями о прошлом не имевший. – И как же папа сотрудничал с КГБ? Доносил, сдавал адреса, явки?

– Все проще. Следил за коллегами. Каждую неделю составлял отчеты о том, кто с кем о чем разговаривал. Но никогда правду в этих отчетах не писал, никого не подставлял. Так вы все и жили, вернее, выживали в тоталитарном режиме и при этом еще пели песни, написанные моим прадедом про утро, которое встречает прохладой...

– Господи, все в кучу: кони, люди, революционные поэты-песенники.

– Да... Насыщенная история. Но энтузиазм первых пятилеток, которым горели предки, нам по наследству не достался.

– Надо же, дедушка чуть ли не про паровоз пел, а в вас никакого патриотизма, папа экстремист.

– Я патриотка своей страны, Америки. Никакой ностальгии по России не испытываю. Меня привезли туда в десять лет, а что было до этого, я помню смутно.

Все мои воспоминания – рассказы родителей. Они были врачами-психиатрами, а еще увлекались музыкой, а их родители были технарями, инженерами, которые создавали российскую военную авиацию. Мой дед участвовал в строительстве авиационных и военных заводов в Польше, Германии, работал и в Японии. Из своих бесконечных поездок привозил папе жвачку, джинсы, пластинки, магнитофоны. Оттуда пошло увлечение музыкой: «Битлз», «Дип пепл». Папа, сравнивая то, что продавалось тогда в Москве, с теми вещами, которые ему привозил мой дед, приходил к заключению,

что жить в России плохо. Он видел яркие упаковки западных товаров и не верил утверждениям, которые слышал каждый день по телевизору в выступлениях Хрущева, а потом и Брежнева, говоривших о том, что это вредно для советского сознания. Еще отец привозил ему глянцевые журналы с красивыми картинками. И этот так называемый «разврат» очень сильно на него повлиял. Этого было достаточно, чтобы привлечь внимание КГБ. Он понял, что люди, которые увлекаются западными вещами, неуютны строю.

– Господи, какой бред, – проговорил Вольнов, сбившийся со счета, какой стакан виски он допивает. – Что ж вы вернулись в такой кошмар?

– Станный вопрос. Сейчас-то все с точностью до наоборот. Отец при всех его талантах заводить знакомства не смог стать своим в Америке. Там он – эмигрант, а значит, человек второго сорта. Вернувшись же сюда, он сразу был принят в светской тусовке – его приглашают, всюду зовут на ток-шоу, он даже в кино снимается, играет американцев. К нему относятся с огромным уважением. И все потому, что он из Америки.

– Да, у нас почему-то это вызывает священное почитание. А у вас тоже не сложилось там?

– О нет, у меня все по-другому. Я американка. У меня муж – стопроцентный американец, сын рожден в Америке и при желании может баллотироваться в президенты Соединенных Штатов. Я приехала в Москву потому, что здесь полно сво-

бодных ниш. Мой муж – продюсер многих программ на национальном телевидении, а я его форматы продаю здесь. Знаете, какая любимая фраза моего отца?

– Страшно подумать.

– Он любит говорить: «Хотите избавиться от подделок, выбросите все русское на помойку». Россия может изобрести автомобиль? Не может. Россия может изобрести холодильник? Не может. Россия может сделать телевизор или видеоплеер? Не может. Если Россия не может изобрести этих предметов, то она и музыку не может изобрести, не может изобрести ценный телевизионный продукт.

– Знаете что: вы – патриотка своей страны, а я своей. Я за державу в ответе, – сразу протрезвел Вольнов. – И скажу вам, что лично я произвожу очень даже ценный телевизионный продукт, имеющий огромный рейтинг.

– Я знаю. Но ведь вы не изобретали велосипед. Ток-шоу, реалити-шоу – все это наш формат, у нас позаимствовано. А ваш «Судный час» продан вам коллегой моего мужа.

– О, я смотрю, вы там все друг друга знаете. И в курсе всех наших дел. Не думал, что вы смотрите наш канал.

– Я все смотрю. Это моя работа.

– О нет, о работе мне сейчас совсем не хочется говорить, – капризно заявил Вольнов. Мысленно он уже проклинал себя за то, что завел разговор с этой дамой. «Кой черт занес меня в эти дебри? Что за люди эти женщины. Всем что-нибудь надо. Одной ребенка подавай. Эта уже успела замучить сво-

ими американизмами и явно хочет мне что-то впарить. Отличная возможность. Никакой защиты, высота одиннадцать тысяч метров без парашюта, а у нее небось наготове целый пакет предложений. Надо держаться от нее подальше».

– А кто говорит о работе? – изумленно спросила Люси. – Вы – мужчина, который вдохновляет совершенно на другие мысли.

– На другие я сейчас совершенно не способен. Что-то многовато сегодня выпил. Пожалуй, можно уже и вздремнуть.

– Самое время. Уже светает, – легко подхватила Люси его предложение. – Надо немного отдохнуть, а то режим собью.

– Какой может быть режим в самолете? – передумав спать, опять заговорил Вольнов после довольно продолжительной паузы. Видимо, до него долго доходило странное заявление американки о каком-то там режиме.

– Режим должен быть везде, – резонно ответила она бодрым голосом. Спать ей не хотелось. – Особенно после самолета. Прилетим, поеду к массажисту, а утром пробежка.

– Да-а, женщины удивительные существа. Выживаемость на грани фантастики. Я бы завтра никуда не побежал, даже если бы меня суд к этому приговорил.

– Выносливость – признак хорошей породы.

– Значит, на ипподроме меня бы забраковали, – усмехнулся Вольнов.

– Главное, что бизнес вас не бракует. Столько лет – и на

коне, – без тени лести заметила Люси.

– Бизнес – это, конечно, хорошо. Только вот...

В это время стюардессы стали разносить завтрак, что очень порадовало Вольнова.

– Отлично, а то я уже проголодался. Не кормили часа три или даже четыре.

– Да, так и до голодного обморока недалеко, – засмеялась Люси.

Многие пассажиры спали. У наших героев было такое чувство, что они летят в самолете одни. Приятное ощущение, будто совершают что-то недозволенное, а потому безумно их радующее. Как шkodливые дети, которые, проснувшись посреди ночи, пробрались на кухню, чтобы съесть весь шоколад. Этот ранний завтрак почему-то доставил им обоим огромное удовольствие и дал необычайно радостный настрой.

– Так что именно вы имели в виду, говоря «только вот...»?

– Когда? – не сразу понял Вольнов.

– Ну до того, как мы совершенно безответственно пообедали в ночи.

– Секундочку, мы позавтракали. Ужин-то мы отдали врагу. Сделали все как надо. Завтрак схомячили сами.

– Да мы и похожи, наверное, были на двух хомяков. И так, «только вот...».

– Только вот в трамвае на меня больше не смотрят, – улыбаясь, томно проговорил Вольнов.

– Ах вот почему вы летаете самолетами!

– Именно. Трамваи в Индонезию не ходят. Знаете, это Блок так говорил, когда заметил, что стал стареть. Он ведь с большой любовью относился к своей наружности. Очень ценил. Впрочем, вы вряд ли его знаете. У вас в Америке свои поэты.

– О! Похвально. Все же корни дают о себе знать. Жаль, что не могу принять на свой счет.

– Корни здесь ни при чем. Я училась в Колумбийском университете, и у нас был великолепный профессор по мировой литературе. Русские поэты и писатели читали лекции по русской литературе. Мы прекрасно информированы. Но отчего же такая низкая самооценка?

– Отчего? От времени. От его безжалостной быстротечности. У меня та же беда. Уже не смотрят.

– Я думаю, вы кокетничаете. Вы, несомненно, по трамваям-то не ездите. Все больше на машине самого что ни на есть представительского класса. А в такой машине и бедный Александр Александрович не перестал бы пользоваться успехом, доживи он хоть до восьмидесяти лет.

– Так я вам понравился только из-за машины?

– Кто это вам сказал, что вы мне понравились? – рассмеялась Люси. – А я-то переживала, что у вас низкая самооценка. Какой там...

– Конечно понравился, и самооценка тут ни при чем. Вы

провели со мной всю ночь. Мы вместе позавтракали. Вы считаете, что это не повод для знакомства? – В голосе Вольнова появились бархатные нотки.

– И правда всю ночь, – невольно смутилась Люси, что ей на самом деле было не очень свойственно. – Да, что-то я сегодня разговорила. Вам говорить не хотелось, так я болтала за двоих. Обычно я не так словоохотлива.

– Что ж, как выяснилось, мы остановимся в одном отеле. Все только начинается. Посмотрим, насколько вы объективно себя оцениваете.

– Вы думаете, наша совместная ночь будет иметь продолжение?

– Как честный человек, я просто обязан так думать.

В салоне самолета стало заметно оживленнее. Пассажиры просыпались, прохаживались, разминая затекшие конечности, стюардессы разносили соки, чай, кофе, завтраки. Проснулась и Матильда.

– Я найду вас, – одними губами сказал Вольнов, улыбнувшись Люси, и закрыл глаза, сделав вид, что спит.

Люси улыбнулась в ответ, тоже закрыла глаза и мгновенно провалилась в сон. Очнувшись она, лишь почувствовав, как шасси коснулись земли, самолет затрясло, словно телегу на кочках. Эта тряска приятно бодрила после двенадцатичасового перелета. В такие моменты миссис Магвайер физически ощущала, как к ней возвращаются жизненные силы. Она оживала, будто забытый на солнце срезанный цветок, кото-

рый наконец-то поставили в воду. Сердце, весь полет прижатое к лопатке тяжелой рукой ожидания турбулентности и прочих ужасов, навешанных блокбастерами, начинает радостно биться, хочется вскочить и сразу бежать на свободу, целовать землю от радости возвращения в целостности и сохранности.

Люси панически боялась летать, но не признавалась в этом даже самой себе. Летать-то приходилось много и часто. Но каждый раз, садясь в самолет, она испытывала чувство неизмеримой тоски, какую наверняка переживают герои сказок, которых огромные птицы, держа клювом за шиворот, зачем-то перетаскивают через океан. Она чувствовала себя такой же маленькой сказочной героиней, болтающейся в клюве огромного животного. А вдруг тот захочет чихнуть? В томительном ожидании завершения полета воображение подбрасывало все новые и новые вопросы, рисовало жуткие картины. И так всегда.

Люси благодарно взглянула на своего попутчика, который продолжал безмятежно спать. Благодаря ему на этот раз она легко пережила свои страхи, что, правда, никоим образом не уменьшило ее радости от окончания столь долгого перелета.

На этом, казалось бы, дорожное знакомство и закончилось. Когда Люси добралась до отеля, по местному времени было уже шесть часов вечера. В номере решила не задерживаться. Как только принесли багаж, она торопливо раскрыла чемодан, не особо задумываясь, что надеть, взяла первый

попавшийся открытый сарафан и легкие босоножки. Быстро приняла душ, оделась и через пять минут уже была в машине, очень быстро доставившей ее в спа-салон на трехчасовой массаж.

В отель Люси вернулась довольно поздно. Есть не хотелось, она взяла в баре свежавыжатый сок и решила посидеть возле бассейна. Из ресторана доносилась приятная музыка, вдалеке слышался шум океана, легкий ветерок смягчал сумасшедшую влажность, давая возможность постепенно привыкнуть к ней и получать удовольствие, ощущая себя буквально как рыба в воде. Люси прикрыла глаза, размышляя о том, что очень редко балует себя. Никак не могла вспомнить, когда вот так просто, безо всякого дела, проводила время. Русские – молодцы, ездят отдыхать каждый раз на две недели, она такого не может себе позволить. Все расписано по минутам...

– Я же сказал, что найду вас, – раздался рядом приятный и уже знакомый баритон. – Я привык держать слово.

Она открыла глаза и увидела своего недавнего попутчика, вальяжно расположившегося в ближайшем к ней шезлонге. Живое воплощение бонвивана и сибарита, любимца публики и женщин, аристократичный, холеный и респектабельный даже в мятом льняном костюме и легких сандалиях, он сидел нога на ногу, с удовольствием попивая что-то явно не безалкогольное.

– Красота! Не правда ли? Обожаю теплые страны, теплое

море, океан. В прошлой жизни я, очевидно, был вождем какого-нибудь племени в экваториальной Африке, не иначе.

– Пусть в Африке, но непременно вождем, – улыбнулась Люси.

– Не вождем я просто никак не могу быть, ни в какой жизни.

– Ну конечно, вы же пассионарий, – сделав глоток сока, согласилась американка, входя в накатанную колею путевого разговора, как будто он прервался минут пять назад. Попутчики прекратили его ненадолго в окно посмотреть, а потом стали говорить дальше.

Вольнов никуда не торопился и, видимо, расположился в своем шезлонге надолго. Уловив, что собеседница вполне расположена к продолжительному общению, он подхватил подброшенную ею тему:

– Я – пассионарий? Да Боже сохрани!

– Все лидеры – пассионарии. Все, кто чего-то достиг в жизни.

– Вы шутите. Это вам в Колумбийском университете такое рассказывали?

– Нет, это в вашем шоу-бизнесе так о себе говорят.

– Ну, им простительно. Их дело петь, а не говорить. Все лидеры подобного рода, в том числе и я, тщеславны и амбициозны, а пассионарии – те, кто оставляет след в истории, – совершают деяния, страстно стремясь к достижению своего иллюзорного идеала наперекор всему, иногда даже во вред

себе. Большею частью во вред. Так что это не про меня. Мне оттуда, – он показал на небо, – выделена энергия ровно на то, чтобы мог приспособиться к окружающему миру, а не менять его.

– Вообще-то нам рассказывали об этой теории пассионарности, но, видимо, я что-то не поняла.

– Просто сейчас она уже не актуальна. И пассионариев нет, потому что они не нужны. Жизнь прекрасна и удивительна. Смотрите, сколько цветов, через дорогу океан, рядом роскошная женщина. Я не хочу ничего менять в такой жизни. Тем более во вред себе.

– На самом деле у вас другая жизнь, в которой нет океана, но есть люди, которые вас любят.

– Я хочу эту и живу этой жизнью сегодня и сейчас. Кстати, а где ваш супруг? Когда прилетит или он уже здесь? – как бы между прочим поинтересовался Вольнов.

– Увы. Только недавно с ним разговаривала и расстроилась даже. Я зря сюда прилетела. У него в последний момент все поменялось. Ему срочно надо быть в Гонконге. Наши планы рухнули. Трех дней праздника не получится.

– Вы сколько лет вместе? – неожиданно спросил Вольнов.

– Пятнадцать.

– Солидный срок. И для вас побыть вдвоем все еще праздник?

– Представьте себе.

– Похвально, похвально.

– Понимаю, это не в вашем стиле. Вам было бы скучно.

– Ой, право же, вы из меня делаете какого-то маньяка. У меня была, правда, не одна жена на всю жизнь, а две. Не так уж и много.

– Это не считая увлечений?

– Вы думаете, у вашего супруга их, конечно, нет, – подначил Вольнов.

– Я думаю, что у моего супруга они, конечно, есть, но он не ищет новых женщин только из-за того, что ему нужны новые впечатления.

– Понимаю, – перебил ее старый ловелас, – они его сами находят. У меня та же беда. Вы, пожалуй, первая женщина, за которой я сознательно приударяю. Вот искал вас повсюду весь вечер. Обычно ищут меня.

– Ах вы, бедная овечка, – рассмеялась Люси и, немного помолчав, продолжила: – Так, наверное, все мужчины говорят. Вы правы, мой муж не исключение, но он ко мне замечательно относится, и, даже если кто-то у него и появляется, я не знаю об этом.

– Об этом не узнают. Это чувствуют, – тоном старшего наставника заметил Вольнов.

– Ну и прекрасно. Вот я не чувствую.

– Поздравляю, муж вас любит, а легкие увлечения... Они только укрепляют гармоничный брак. Каждый раз он приходит к выводу, что дома ему намного лучше.

– Что значит каждый раз? – возмутилась Люси. – Можно

подумать, что он профессиональный плейбой.

– Да у меня и в мыслях такого нет.

– Он деловой человек. Продюсер, режиссер, журналист. Работает по двадцать пять часов в сутки, ведет параллельно несколько проектов, пишет сценарии...

– Сочувствую, – ощущая себя почему-то немного виноватым, проговорил Андрей.

– Чему это вы сочувствуете?! – окончательно вышла из себя Люси.

– Он так занят, а вы все одна и одна.

– Я поняла, вы свою схему подгоняете под всех. Вот вы прилетели сюда с девушкой, а она все одна и одна, хотя вы не так уж и сильно заняты.

– Я отдыхаю, а за девушку не беспокойтесь. Она сама выбрала то, что имеет, и ее это абсолютно устраивает. Она думает, что использует меня. Пока она так думает, я использую ее. Ей нужны деньги, а мне нужна свобода.

– Ничего не поняла из того, что вы сказали, ну да и какое мне до этого дело. – Люси вдруг спохватилась, понимая, что их разговор стал смахивать на выяснение отношений людей, явно равнодушных друг к другу. – А что мы тут сидим? Раз уж так получилось, что мы с вами остались в полном одиночестве, так...

– Просто с языка сорвалось. Предлагаю сходить в ресторан.

– А потом прогуляться по побережью или пойти на дис-

котеку.

– Мне кажется, прогулка по побережью будет интереснее, впрочем, слово дамы для меня закон.

Вольнов встал и галантно предложил спутнице руку.

– Начнем с ресторана, а там разберемся.

Люси хотела было отказаться от его помощи, но потом все-таки воспользовалась ею, положив свою узенькую ручку на его крепкую ладонь. Когда их пальцы соприкоснулись, Андрей Константинович вдруг как-то очень странно взглянул на свою американскую знакомую. В этом взгляде было все: и удивление, и нежность, и даже испуг. В этот момент уже совсем немолодой мужчина вдруг почувствовал незнакомое ему ранее чувство.

«Неужели любовь – это вот так? – пронеслось в его голове. – Думал, никогда и не узнаю этого чувства, суется на ярмарке тщеславия. Все хотелось, чтобы рядом были самые красивые, самые молодые женщины. Красивее и моложе, чем у всех остальных. Никогда не искал своего родного человека, а вот оно, все же настигло. Кажется, знаю ее всю жизнь. Нашел все же свою вторую половинку».

Они посидели в ресторане, долго гуляли вблизи океана, любуясь мощными волнами, потом еще долго сидели у бассейна и говорили, говорили, говорили. Ему интересно было знать о ней все: какая она была в детстве, как в первый раз влюбилась, как выбрала профессию, что она любит, что ненавидит. Рассказывал о своей жизни, о смешных ситуаци-

ях, в которые попадал, как всегда стремился быть первым, а когда выбился, ему стал сниться один и тот же сон. Он стоит на огромной колонне, вокруг свищет ветер, так что трудно удержаться на небольшой площадке. Высота сумасшедшая, внизу не видно людей и даже дома еле различимы. И вот стоит он один на этом высоченном постаменте, как памятник самому себе, уже устал стоять. И страшно, и безысходно. Что делать дальше? Совершенно непонятно. Каждый раз он, видя этот сон, просыпается в холодном поту и каждый раз переживает настоящее счастье: это только сон, а наяву он ходит по земле, среди людей.

– Вот такие смешные у меня сновидения, – заключил свой рассказ Вольнов, допивая очередной бокал виски.

– Просто обхохочешься, – грустно улыбнулась в ответ Люси.

Ей даже стало немного жаль этого немолодого человека. Такого успешного, прожигающего жизнь в сонме ослепительных нимф, и такого на самом деле беззащитного и одинокого. Она с трудом подавила в себе желание обнять его, пожалеть.

– Однако уже светает, неплохо бы все же пойти поспать, чтобы отделить день от ночи.

– Отсортируем, – трудно выговорил Андрей Константинович. – Но завтра мы увидимся?

– Непременно, – уверила его Люси.

– Хорошее слово. Непременно. Мне так нравится, – целуя

ей руку, проговорил стареющий мачо, еле держась на ногах.

Несмотря на обильное возлияние в условиях тропической влажности, Вольнов, как истинный джентльмен, проводил даму до ее номера и в прекрасном настроении отправился искать собственные апартаменты.

На следующий день он проснулся уже под вечер. В прохладе номера с опущенными жалюзи совершенно невозможно было определить время суток. Матильда, видимо, вернулась с пляжа. По комнате были разбросаны купальник, парео, соломенная шляпа, в душе лилась вода, слышались звуки, отдаленно напоминающие пение.

«Интересно, давно она там плещется? – подумал Андрей. – Явно ждет меня, чтобы завести свою долгоиграющую пластинку о детях. Однако сегодня выслушивать эти тирады у меня совсем нет настроения».

В душе перестала литься вода. Через несколько минут оттуда вышла Матильда в белом банном халате с тюрбаном из полотенца на голове. Увидев пробудившегося Вольнова, она воскликнула:

– Ты все-таки жив? Я думала, не придешь в себя до нашего отъезда.

– Жив, но все в этой жизни относительно. Что там у нас в баре есть выпить?

– Встань и посмотри, – невозмутимо проговорила Сорская.

– Ладно, встану, посмотрю и выпью, – в тон ей пробурчал

Андрей и произвел все озвученные действия. Глотнув виски, он заметно повеселел и, наблюдая за своей подружкой, спросил: – Ты куда-то собираешься?

– Собираюсь поужинать. Надеюсь, с тобой. Я тут приглядела симпатичный японский ресторанчик. Прямо возле отеля.

– Отлично, – обреченно проговорил он. – Что-то я проголодался. Приму душ, и пойдем.

Стоя под упругими струями воды, смывавшими с него остатки похмелья, Вольнов неожиданно поймал себя на мысли, что ждет позднего вечера, когда вновь спустится в бар, а потом пойдет к бассейну, сядет в шезлонг и будет наслаждаться влажным теплом и шумом прибоя в компании Люси. Странно. Она совсем не в его вкусе. Не подстраивается под него, говорит, что считает нужным, не кокетничает. Взрослая, замужняя, имеет сына. Все его пассии всегда были свободны. Впрочем, к двадцати годам не у всех есть мужья и дети. Нет, с ней очень приятно проводить время. Можно выпить, она это дело поддерживает, а главное – не напрягает никакими расспросами типа с кем приехал, кем она приходится. Хотя он и не прочь об этом рассказать.

Когда Андрей вышел из душа, Матильда все еще стояла перед зеркалом, приводила себя в порядок. В номере приятно пахло кокосовым кремом после загара. Тело уже было обработано, теперь она занималась лицом, тщательно вглядываясь в слегка обгоревший нос.

– Надо же, вообще не загорала, только прошлась до пляжа, но там такие волны... Вернулась, немного поплавала в бассейне и уже обгорела.

– Вроде особой красноты нет, – вяло поддержал разговор Вольнов. – Но к вечеру может подняться температура. Тебе сегодня лучше пораньше лечь спать.

– Надеюсь, с тобой? Не пойдешь же ты и сегодня в бар на всю ночь? Иначе проспичь весь отдых. Здесь куча всяких экскурсий.

– На всех этих экскурсиях я бывал. Всех обезьян и крокодилов покормил. Хочешь – поезди сама, посмотри вулкан, слонов. Ознакомься со всем списком, займись делом и не приставай ко мне. Я хочу пойти в бар и пойду. Именно так я и отдыхаю. Моя программа – бар и массажи. Все. Не нравится? Могу посадить тебя на самолет, и лети в Москву.

– Я останусь, – покорно отозвалась девушка.

– Вот и отлично. И всегда помни о нашей первоначальной договоренности. Хочешь жить со мной – принимай мои условия игры и будешь в полном шоколаде.

– Я помню, – тихо согласилась Матильда.

Она закончила реставрационные работы на лице и покорно ждала, когда ее бойфренд выберет рубашку, соответствующую его сегодняшнему настроению. Наконец он надел новый белый льняной костюм, и они направились в ресторан ужинать. Для обеда было уже поздновато. Время близилось к семи часам вечера.

Войдя в ресторан, Вольнов мгновенно охватил взглядом зал, но та, которую он надеялся встретить здесь, видимо, еще не пришла или уже ушла, а может, и вовсе была в другом ресторане. Во всяком случае, здесь он ее не увидел. Впрочем, это вполне устраивало стареющего мачо. Намного приятнее встретиться наедине, когда отдыхающие уже расплзутся, кто на дискотеку, кто по своим номерам, кто на прогулки по пляжу под тропической луной.

После ужина Вольнову пришла в голову мысль отправить Матильду на дискотеку.

– Я бы с удовольствием, – обрадовалась она. – Потанцуем.

– Потанцуем? Нет уж, уволь. Я в баре выпью что-нибудь. Ты бы мне предложила еще серфингом заняться, здесь, кстати сказать, самое место для этого.

– Прости, я думала, ты захочешь расслабиться, – замялась девушка.

– Я и расслаблюсь, но своим способом.

– Как ты можешь пить в такую жару?

– Хочу и пью, и никакие погодные катаклизмы не смогут мне в этом помешать. Это ясно?

– Ясно. Просто я подумала...

– Не надо тебе думать. Я вполне с этим справляюсь сам.

– Ты явно не в духе, – угрюмо проговорила Матильда. – Знаешь, я устала, пойду спать, а ты как хочешь. Тебе спать рано. Только проснулся.

– Это да. – У Вольнова сразу поднялось настроение. Ма-

тильда вновь стала вызывать у него теплые чувства. Иногда ее надо ставить на место, а то забываться начала. Ребенок ей нужен. Какой еще ребенок? Она полезна ему только для сопровождения. Если не будет других приключений, вспомнит о ней. Должна терпеть. Просто так, что ли, он сделал ее лицо известным, всем на зависть пустил в свою жизнь, столько ей дал...

Спровадив Матильду, Вольнов сразу направился в бар, затем вышел на веранду. Люси нигде не было видно. Он решил подняться к ней в номер, но понял, что номера этого он вчера не запомнил. В голову не пришло обратить на это внимание. Он кинулся к портье. Тот, выслушав Вольнова, протянул записку со словами:

– Миссис Магвайер просила это передать тому, кто будет ею интересоваться.

Андрей торопливо развернул записку, буквы прыгали перед глазами. Наконец он сумел вникнуть в смысл написанного: «Мой дорогой компаньон по ночному виски. Встретила знакомых, и мы договорились провести весь день вместе. Сначала поедem на местные процедуры. Это займет весь день. А потом посидим в рыбацком ресторанчике. Говорят, это единственное место на острове, где можно поесть черпаховый супчик. Так что виски в ночи выпьем завтра. Если, конечно, у вас будет настроение. С огромной дружеской симпатией, *Люси М.*».

– Черт знает что это такое, – в сердцах проговорил Ан-

дрей.

Он хотел было что-то спросить у портье, но махнул рукой и пошел в бар, где довольно быстро забыл о своем несостоявшемся свидании в компании каких-то американцев. Они, тоже очень нетрезвые, с пониманием кивали в ответ на его бесконечные и однообразные вопросы сегодняшнего вечера:

– Как она могла так поступить? Какие процедуры? Какой, к чертям собачим, черепаховый суп, когда мы с ней договаривались встретиться? Что за женщина? Американка эмансипированная, мать ее. Шельма... но хочу. Хочу ее увидеть. Просто сил никаких нет.

Американцы сочувственно кивали и предлагали выпить еще, словно стремились показать, что пьянство – это не только российская особенность.

Следующим вечером, опять пропьянствовав всю ночь и проспав весь день, Вольнов лихорадочно собирался на ужин. Матильда, давшая себе обет вытерпеть все и молчать, старалась не попадаться ему на глаза. В отеле было полно соотечественников. И его и ее хорошо знали в лицо, кое-кто мог читать об их отношениях в газетах. Короче, она решила по возможности не давать пищу для разговоров по поводу того, что у них эти самые отношения уж очень странные и что они вместе нигде не появляются. Такое впечатление сложиться не должно. Слишком много сил и терпения она положила на то, чтобы все думали иначе. Как только ее ветреный друг подошел к двери, чтобы выйти из номера, она нежно окликну-

ла его, войдя в комнату с балкона.

– О, я пропустила момент, когда ты проснулся, зачиталась, уже решила поужинать одна.

– Одна? Если ты готова, то идем вместе, – нетерпеливо бросил на ходу Андрей и открыл дверь.

– Я абсолютно готова, – быстро сообщила Матильда и побежала, еле успевая за ним. – Пойдем в тот же японский ресторан?

– Мне все равно.

Они, как всегда, что называется фасадно, то есть обращая на себя всеобщее внимание, вошли в зал ресторана. Вольнов отметил про себя, что Люси опять нигде не видно. У него сразу испортилось настроение, за столом он не проронил ни слова. После ужина Матильда сказала, что, возможно, перегрелась на солнце и ее немного знобит. Она пойдет в номер, а он уж пусть скоротает вечер без нее. Андрей, как мог, выразил на лице сочувствие и, пожелав подруге спокойной ночи, заспешил к бассейну, где начали собираться истомленные отдыхом обитатели отеля.

Он уже пропустил порцию виски, когда из-за спинки шезлонга услышал знакомый голос Люси:

– Я так и знала, что найду вас здесь. Прекрасный вечер, не правда ли?

– О да. Великолепный, – ответил Андрей таким тоном, как будто и не было целых суток мучительного ожидания этой встречи. – Как провели время?

– Нечто неподражаемое. Совершенно случайно вечером попали на какой-то национальный праздник. Костер, танцы, фейерверки всю ночь. А вы как здесь? Плавали, загорали?

– Что-то никак не получается. Вчера встал на закате, сегодня тоже. Вот сижу у бассейна и размышляю, что с завтрашнего дня надо бы начать вести здоровый образ жизни.

– Почему завтра? А ночное купание в бассейне под луной? Вон люди плавают. И вы можете хоть всю ночь, если днем никак не получается, – игриво проговорила Люси.

– Заманчивое предложение, но я уже выпил. Не хочу, чтобы местные аборигены назавтра говорили, что русские как напьются, так лезут в воду и тонут. Нет, компот отдельно, мухи отдельно. Плавать буду завтра, – отклонил заманчивое предложение Вольнов. Она завела с ним игру в кошки-мышки, так он тоже знает правила этой забавы искушенных обольстительниц. – Я посижу, шум океана удивительно действует на нервную систему. Умиротворяюще.

– Не возражаете, если я нарушу ваше одиночество?

– Думаю, вы его уже нарушили, поскольку я не чувствую себя теперь одиноким.

– А пока я не подошла, чувствовали?

– Еще как.

– Опять вспомнили, что в трамвае на вас никто уже не смотрит?

– О да. Это самая настоящая трагедия моей жизни.

– Трагедия была бы, если б вы разорились, а все остальное

не стоит огорчения.

– Вот, вот она, разница между русским и вашим, американским, менталитетом! – воскликнул Вольнов. – Ничего святого в вас нет. Никакой романтики.

– Какой такой русский менталитет? Пить без просыпу и все делать кое-как?

– Это поверхностное суждение.

– Вовсе не поверхностное. Я вот как-то ехала с одним вашим известным поп-певцом. Его останавливают за превышение скорости, но, узнав его, полицейские сразу меняются в лице: «Ой, Олег Михайлович, как же мы вас любим. А можно автограф?» О превышении скорости они уже забыли. Потом останавливают других. Они такие же граждане, но им ничего не прощают и открыто говорят: «Давай пятьсот рублей, иначе права отберем». Вот и вся ваша романтика. А у нас в Америке или даже в Европе по-другому. Остановили Пола Маккартни за превышение скорости. Оштрафовали на две тысячи долларов. Остановили Роба Стюарта, и то же самое – штраф. Сыну Тони Блэра тем более никаких скидок. У нас все равны, все едины перед законом и конституцией, а у вас свой романтический менталитет умения уйти от закона. В вашей стране если кто-то чего-либо достиг, то всё – налоги не платят, штрафы тоже, ведут себя как хотят. Никакого понятия о демократии.

– Просто у нас любят артистов, любят тех, кто несет радость. Русская душа открыта для праздника.

– О да, празднуют здесь самозабвенно. Впрочем, мне грех жаловаться. Именно благодаря этой особенности в России так много свободных ниш и огромный простор для применения сил со стороны.

– Я никого не привлекаю со стороны. Свои в очереди стоят.

– Неужели? А Радзиевич, который привез вам «Судный час»?

– Это совсем другое дело. Мы давние приятели. К тому же все совпало. У нас был харизматичный герой, у него – программа. В результате бешеный рейтинг.

– Да, повезло ему. Если бы не вы, не представляю, что бы он делал. В Штатах у него позиции очень слабые. Его там всерьез не воспринимают.

– Люси, вы очаровательны, но даже под натиском вашего всемогущего обаяния я бдительность не потеряю. Умерьте пыл и прекратите валить конкурента. Видимо, он не совсем плох, если вы так откровенно говорите о нем гадости.

– Гадостей я не говорю. Он человек очень достойный. Просто дела у него идут не блестяще.

– Ну конечно, сказать такое – это не гадость в адрес делового человека.

– Все. Если вы так воспринимаете каждое мое слово, давайте говорить о погоде и природе, надеюсь, это не такие скользкие для вас темы.

– Я бы хотел поговорить о вас.

– А я о вас.

– О! Наши желания начинают совпадать.

– Итак, слушаю, что вы хотите знать обо мне? Я вчера вам столько о себе рассказала, хотя, конечно, не уверена, что вы хоть что-то запомнили.

– Я помню все, а в дополнение к этому еще хочу знать, как часто вы бываете в Москве и что будете делать после возвращения. Вы ведь возвращаетесь туда?

– Да, в Москву. Вы хотите продолжить курортный роман?

– А у нас роман?

– Боюсь, что нет. – Люси улыбнулась широкой голливудской улыбкой, глядя ему прямо в глаза.

– Все-таки вы этого боитесь. Так почему же нет? – азартно спросил Вольнов, не отводя взгляда. Про себя он отметил, что ему хочется до бесконечности смотреть в эти глубокие, такие ясные и спокойные, такие родные огромные глаза, хочется погладить эти великолепные густые длинные волосы, тяжелой волной спускающиеся по ее спине, хочется обладать этой шикарной женщиной, все время дразнящей его и заводящей бесконечные игры.

– Потому что любой роман должен быть на чем-то основан... на какой-то общности, что ли. У нас этой общности нет. Вы здесь с супругой, и было бы совсем не комильфо нам где-то, прячась под кустом, предаваться страсти.

– Можно сделать это в номере.

– Это уже будет не роман, а случай. Другой общности у

нас тоже не может быть.

– Какой же?

– Деловой. Как правило, у меня именно на почве общего бизнеса отношения с мужчинами становятся неизбежными. Вы же не заинтересовались мною как деловым партнером.

– А если заинтересуюсь?

– Поздно. Я давно сообщила, чем занимаюсь, но вы не проявили к этому никакого интереса. Значит, вам не хочется ничего менять, не хочется ничего нового.

– Я постоянно многое меняю, а что касается нового, то хочу его всегда. Правда, у меня есть некоторое предубеждение к готовым проектам. Мне не нравятся эти программы имени дедушки Крылова, когда пироги печет сапожник, а сапоги тачает пирожник. Мне они кажутся никчемными. На сегодняшний день результатом того, что вы поставили на коньки российских звезд, наши фигуристы на чемпионате мира заняли все почетные последние места.

– При чем здесь звезды?

– Вот и я думаю, при чем? Зачем им заниматься не своим делом? Интерес к фигурному катанию поднимать? Да у нас он и так всегда был до потолка. Все рвались заниматься, потому что у нас лучшая школа фигурного катания. Окно в мир. А теперь все, кончилось наше первенство. Теперь у нас звездная самодеятельность. Признайтесь, эта подрывная работа входила в ваши планы?

– Андрей, вы из меня какую-то Мату Хари делаете. Я биз-

несом занимаюсь, а не подрывной работой. К тому же не я привезла это ледовое шоу. Но должна заметить, что в Америке оно прекрасно себе идет и профессиональный спорт от этого не страдает. Вы просто завидуете. Если бы такие проекты были у вас, вы бы очень ими гордились.

– Наверное, вы правы. Конечно, особенно от боксерского проекта не отказался бы и очень гордился. Но у меня их нет.

– И потому вам они не нравятся.

– Вам тоже не нравится ваш конкурент Радзиевич.

– Ладно, один – один. И все же делового диалога не получится. Вы боитесь рисковать. Со времен холодной войны мыслите категориями идеологических диверсий. Советское прошлое сказывается.

– Да прекратите, Люси. Какое прошлое, какие враги? Просто констатировал факт. Уверяю вас, мне все это только сейчас пришло в голову, я и сказал. О чем жалею страшно. Впрочем, нет, не жалею. За это время я принял правильное решение. Мы еще станем партнерами. А сейчас пойдем выпьем и начнем все сначала. Вообще давно пора нам перейти на «ты».

– Согласна. Чтобы подчеркнуть торжественность момента, надо заказать шампанское.

– Хоть ванну.

– Хватит и бутылки, но самого лучшего.

– Будет «Вдова Клико». – Он знаком подозвал официанта. «Вдова» прибыла мгновенно.

Вольнов томно смотрел на Люси. Она многообещающе приподняла бокал, невзначай обдав его руку волной волос, пахнущих морем, чем-то невыразимо приятным и возбуждающим.

Они выпили шампанское, расцеловались. Андрей уже решил сообщить, что согласен на ночное купание под луной, но неожиданно, буквально на третьем финальном поцелуе, у Люси зазвонил мобильный телефон. Вольнов, довольный собой, предавался мечтам о том, как они будут вместе великолепно проводить время. Она же с непроницаемым видом слушала телефон. Только в самом конце решительно проговорила:

– Я вылетаю первым рейсом. Папа, не переживай. Я прилечу, и все будет нормально. – Она посмотрела на Андрея с грустной нежностью. – Мне надо срочно в Москву. У папы опять что-то не ладится, он так расстроился, что стало плохо с сердцем. Он звонил из больницы.

– О, только не это. Как я здесь буду один? – разочарованно проговорил Вольнов.

– Я и не собиралась оставаться здесь больше трех дней. К тому же ты не один.

– Это еще хуже. Но в Москве мы встретимся?

– Конечно. Я помню о том, что ты все-таки принял правильное решение и у нас впереди большие проекты. Совместные.

– Да, и я рад этому. Очень. Твои координаты, полученные

еще в самолете, храню как святыню.

– Такая высокопарность пугает. Меня вполне устроит, если ты просто сдержишь свое обещание о партнерстве.

– Сдержу.

Она поцеловала своего несостоявшегося любовника и, сказав, что не любит долгих прощаний, упорхнула.

Балкон номера, в котором поселились Андрей с Матильдой, выходил как раз на бассейн, где разворачивалась эта увертюра обещающих быть пылкими и долгосрочными отношений. Сорской представилась великолепная возможность понять, что в самое ближайшее время ее ждет отставка. Она, не отрываясь, смотрела и смотрела на эту сцену, даже представляла, что может говорить этот старый, обьевшийся сметаной кот, похотливо глядящий на новое лакомство, облизываясь в предвкушении новых удовольствий.

– Ненавижу. Как же я его ненавижу, – как заклинание твердила она. – Ждать больше нечего, пора начинать действовать. Он мне заплатит за все унижения, которые я от него терпела, ответит за все.

Протеже

Отсутствия на летучке Матильды Сорской, казалось бы, никто, кроме Аллы Миркиной, и не заметил. Но это только на первый взгляд. За последний год, а может, даже и два Вольнов впервые вышел на публику без ее, не всегда скромного, сопровождения. Не отметить это было просто невозможно. Особенно впечатлило собравшихся, что ни о ее отсутствии, ни о ней самой Вольнов даже словом не обмолвился, как будто ее никогда и не было. Это было странно, поскольку все, что ни делалось в последнее время на телеканале, проходило только при участии Матильды, в крайнем случае с ее одобрения, о чем непременно сообщалось всем.

– Вот мы с Матильдой подумали... – начинал Вольнов разговор о каком-нибудь проекте.

– ...И она решила, – мысленно заканчивали фразу собеседники.

Несмотря на завоеванное Матильдой столь явное предпочтение, Андрей Константинович не отказывал себе в удовольствии волочиться за всеми остальными своими подчиненными женского пола, включая секретарш. Сердце его скакало, как мячик в пинг-понге, при каждом паса отлетая с новым настроением, которое невозможно было предугадать. Однако его мозгом безраздельно владела Матильда, вкачивая туда свои незатейливые коррективы. Вольнов особенно

не возражал. Сказывались усталость и лень. Он свое дело сделал, машину запустил, у телеканала, им созданного, высочайшие рейтинги. Теперь, что ни покажи, будут смотреть. И ведь смотрят. Хотя с подачи Матильды и запустили пару откровенно провальных проектов, но общая картина от этого не пострадала.

Весь телеканал только диву давался, не понимая, что происходит. Особенно удивляла не столько аморфность самого Вольнова, сколько одобрение всех этих начинаний со стороны его главного советника по финансовым вопросам Арнольда Кардиналова.

На самом деле никакого секрета в том не было. Матильда приехала в Москву из Сызрани, откуда был родом и Кардиналов. Столь необычную фамилию он себе выправил при получении паспорта. Своя казалась очень уж неблагозвучной – Кармашкин, да еще имя родители дали – Архип. Видимо, в Сызрани водилась мода на шикарные экзотические имена. И Архип Мартынович Кармашкин преобразил себя в Арнольда Мартыновича Кардиналова.

Лучше не стало, но новоиспеченному Арнольду казалось, что, изменив имя и фамилию, он будет производить более респектабельное впечатление и, кто знает, вдруг судьба тоже поменяется в лучшую сторону.

Она и поменялась. Во всяком случае, он сумел вырваться из заштатной Сызрани, поехал в Москву и поступил в институт, где был самый маленький конкурс. Студентом быстро

сделал карьеру по комсомольской линии, правильно женился на единственной дочери крупного партийного чиновника и со временем пошел по стопам тестя. Тоже стал чиновником, правда более мелкого калибра.

В те давние годы он и познакомился с Вольновым. В чем-то они очень походили друг на друга. Не внешне. Кардиналов не блистал мужской привлекательностью, не обладал харизмой. Сходным было отношение к жизни, умение приспособиться к любой ситуации.

В прошлом они встречались на каких-то банкетах по случаю юбилеев, награждений, бракосочетаний. Оба сопровождали жен и скучали на этих помпезных сборищах, куда людям их круга необходимо было ходить для поддержания своего статуса точно так же, как интеллигентному человеку жизненно важно было смотреть фильмы Тарковского.

Вольнова представлять было не надо, его знали в лицо, и многие подходили к нему, как к старому знакомому. Подошел и Кардиналов, выпили, разговорились. Знакомство оказалось полезным. Тогда связи были необходимы, чтобы «доставать» всякие путевки или товары повышенного спроса.

Если бы времена не изменились, то вряд ли когда-либо их пути пересеклись. Однако они изменились, и, начав свое дело, Вольнов, перебирая, с кем он может вместе работать, почему-то сразу вспомнил о Кардиналове. Надежный, с ним есть взаимопонимание в ничемности излишней щепетильности в средствах.

Вольнов в общих чертах был в курсе того, что Арнольд развелся, занялся бизнесом, понемногу торгуя то ли землеройной техникой, то ли подъемными кранами, что-то в таком духе. Звонок в квартире Кардиналова раздался как нельзя кстати. Звонил Вольнов, прервав размышления Арнольда о том, что надо срочно менять бизнес. Последняя сделка с продажей крана «Ивановец» оказалась чуть ли не убыточной из-за очереди посредников, подключившихся к этому делу.

– Арнольд, не знаю, интересно ли тебе будет мое предложение... Слышал, ты сам открыл дело, но все же я решил позвонить тебе в первую очередь, – без всякого подхода начал Вольнов. – Короче, мне нужен финансовый директор. Перспективы огромные.

– Надо разговаривать. Огромные перспективы в наше время всегда интересны, – без особого энтузиазма в голосе откликнулся Арнольд, ликуя в душе, что выход из надвигающегося кризиса нашелся сам собой.

Кардиналов с большой душой согласился работать в набирающей обороты телекомпании. Для него трудиться под чьим-то началом было оптимальным вариантом. Он не относился к разряду лидеров, не генерировал идеи, не любил рисковать и старался не принимать ответственных решений. Его призвание – быть вторым, быть в тени. Видимо, на уровне подсознания, преобразовывая фамилию, он выразил свою подлинную сущность. Быть серым кардиналом при сильном короле, понимая, что тайное преимущество намного надеж-

нее явного, — это то, что его больше всего устраивало.

Попав к Вольнову, Арнольд нашел настоящее место в жизни и был весьма доволен. Он умело вел финансовые дела компании, но о том, что его состояние со временем окажется ничуть не меньшим, чем вольновское, никто даже помыслить не мог. До недавнего времени лет десять он ездил на старой «девятке», которая, прежде чем тронуться с места, долго отфыркивалась и пыхтела выхлопными газами, а затем нехотя рывками набирала скорость. Эта машина была притчей во языцех всей телекомпании. Когда Арнольд въезжал в офисный двор, по гулу и криканию мотора на всех двенадцати этажах знали о его прибытии. Кто-нибудь непременно произносил дежурную фразу: «Это моя лягушонка в коробчонке скачет», и на вечер делались ставки — заведется кардиналовский драндулет на этот раз или опять придется вызывать механика. В конце концов, когда мотор заглох окончательно, финансовый директор купил себе наконец новую машину. Причем взял самый что ни на есть скромный «нисан». Но ездить стал на служебной машине с водителем.

В отличие от Вольнова дом он построил не на престижной Рублевке, что вполне мог себе позволить, а в неприметном месте по Рязанскому шоссе, правда, на участке в несколько гектаров. Дом этот красовался на обратной стороне медали жизни Кардиналова. Его никто не видел, хотя посмотреть было на что. Строение вполне могло соперничать со знаменитым замком, построенным Вальтером Скоттом. Вольнов и

предположить не мог, что в его подчинении трудится обладатель такого великолепия.

Своей преданностью Кардиналов заслужил безграничное доверие Андрея, который советовался с ним по всем вопросам, и не только финансовым. Кого брать или не брать на работу, перспективен или не перспективен новый проект, какой строить дом, какую машину купить, к какому механику обратиться, у какого юриста взять консультацию и так до бесконечности.

Казалось бы, появление Матильды, активно начавшей заполнять собой все жизненное пространство вокруг Вольнова и внедряться в дела компании, должно было бы огорчить Кардиналова. Получалось, что она практически заняла его место. Но так было только на первый взгляд. Новую фаворитку приняли на работу не только с согласия Арнольда, но и по его настоятельной рекомендации.

Девушка произвела на него неотразимое впечатление. Эффектная, целеустремленная, к тому же родом из того же города, что и Арнольд, она вызывала у Кардиналова непонятное родственное чувство. С ней Арнольд Мартынович ощущал себя таким же молодым, как она сейчас. Оказалось, что у них есть общие знакомые, которых он помнил совсем юными. Одноклассница Арнольда, в которую он был безответно влюблен в школе, преподавала у Матильды, когда та училась в пединституте. Вообще Кардиналову казалось, что вот теперь он наконец нашел свою половинку. Да, конечно, он не

очень молод, но уже давно свободен, а главное, весьма состоятелен.

Матильда эту ситуацию видела несколько иначе. Во-первых, она не знала об основном постулате Кардиналова, что тайное преимущество намного полезней явного, и видела потертого Ромео именно таковым, каким он выглядел в глазах всех. Слегка неопрятным, лишенным всякого обаяния, скуповатым и, судя по легендарной «девятке», не очень богатым мужчиной. Ей же необходима была яркая победа и неоспоримое первенство, потому своим избранником она, естественно, наметила того, кто в компании был самым главным, — Вольнова.

Кардиналов чуть не подавился, проглатывая эту пилюлю, но деваться было некуда, и он скрепя сердце отошел в сторону, проклиная себя за то, что не нашел случая, чтобы пригласить девушку своей мечты в загородный дом, который заставил бы ее повнимательнее присмотреться к скромному финансовому директору. Не успел. Однако, зная Вольнова, он был уверен, что Матильда, конечно, сумеет его увлечь, но ненадолго. И вот тогда на арену выйдет он, благородный Арнольд. Подберет и утешит поруганную провинциалку, чье сердце будет растоптано столичным Казановой. Вот тогда-то он и предстанет перед ней в полной красе, посрамяв своим благородством этого доморощенного рублевского донжуана.

Покуда же этого не произошло, Кардиналов изо всех сил поддерживал свою протезу во всех ее самых безумных на-

чинаниях, чтобы та смогла остаться в телекомпании и после того, как Вольнов ее бросит.

Время шло. Матильда не только не сдавала позиций, но за три года укрепила их до такой степени, что по компании поползли слухи, будто не сегодня завтра Вольнов собирается жениться на ней. Правда, он не торопился, но амбициозная барышня не намеревалась сходить с верного пути и уверенно двигалась к намеченной цели. Кардиналов это знал доподлинно, поскольку был верным советчиком своей подопечной и она делилась с ним всеми своими планами и переживаниями. Последним ее решением было срочно родить ребенка от Вольнова, и тогда тот уже никуда не денется.

С этим настроем она уехала отдыхать с шефом на Бали, оставив своего тайного воздыхателя страдать – ему не давали покоя сладострастные картины ее соития с Вольновым. Еще больше Арнольда приводили в отчаяние последствия этой безудержной страсти. Мудрая девушка сто раз права. Если она Андрею – в его почти семьдесят лет – родит ребенка, то он действительно никуда не денется, забудет о взрослых сыновьях, обо всем забудет. Самооценка повысится выше допустимой нормы. Да он просто с ума сойдет от радости. Арнольд судил по себе. Он бы точно ума лишился от такого счастья...

И вдруг в одночасье все повернулось на сто восемьдесят градусов. Поездка на Бали не помогла Матильде стать матерью, а вот Вольнов умудрился завести очередную интриж-

ку. Мимолетная встреча – не более того. Но буквально через несколько дней у Андрея Константиновича откуда ни возьмись родился новый проект, о котором он непременно решил сообщить всему коллективу.

Такие спонтанные идеи нередко приходили ему в голову и при Матильде, и до нее. Вольнов был натурой увлекающейся. Ему были необходимы музы, которые вдохновляли на новые идеи. В состоянии влюбленности он чувствовал себя молодым и полным энергии. И влюбленности появлялись с завидным постоянством, сигнализируя о том, что ничего не меняется, энергии хватает на все – и на любовь, и на работу, и на новые идеи. Однако на этот раз, видимо, Матильда взбунтовалась, и такое непонимание его тонкой творческой природы раздосадовало босса.

Арнольд понял, что его любимая протезе отсутствует именно по этой, весьма очевидной причине. Еле дождавшись окончания летучки шеф-редакторов, он заспешил в свой кабинет и, только оставшись один, быстро набрал телефонный номер Матильды. Она сразу взяла трубку.

– Матильда, что случилось? Почему вас не было на летучке? – взволнованно начал забрасывать ее вопросами Арнольд.

– На какой летучке? – удивилась Матильда. – Впервые слышу. Но я рада, что вы позвонили, Арнольд Мартынович. Мне совершенно необходима ваша помощь. Безотлагательно. Мы можем встретиться на нейтральной территории?

– Говорите где, я выезжаю.

– Хорошо. Давайте на Тверской. Там есть такое тихое место возле «Красной шапочки».

– Буду через пятнадцать минут.

Арнольд чувствовал, что у него начинают расти крылья.

«А я-то думал, что все кончено. Оказывается, все только начинается. Как же я все вовремя придумал. И она сама первая бросилась ко мне за помощью. Отлично. Все просто отлично».

Посеявшая ветер

Алла заметила за собой, что в последнее время Вольнов стал все больше ее раздражать. Как от любви до ненависти один шаг, так и от восхищения до раздражения не дальше. Любила ли она когда-нибудь Вольнова? Теперь и сама уже не знает. Она им искренне восхищалась, мечтала добиться и добилась, ее женское самолюбие было удовлетворено и амбиции тоже. То, каким Вольнов стал сейчас, – это ее творение. От женщины, которая рядом, зависят и характер и судьба мужчины. Что до судьбы, то здесь жаловаться не на что. Кто он был до встречи с ней? Да так, ничего особенного. Да, он был популярен, его знала телевизионная аудитория, в основном за счет того, что оказался в нужном месте в нужное время, но время поменялось, и он остался не у дел.

Конечно, известность ему помогала и вообще старые дрожжи еще долго поднимали его, теперь уже по коммерческой лестнице. Но руководила этим процессом, давила на педали самолюбия и тщеславия она, Алла.

А в то нужное время он оказался на телевидении только благодаря своей первой жене Елене. По сей день многие думают, что всего в жизни он добился благодаря ее связям, ее семье, хранимой великой кремлевской стеной.

Начиналось же все весьма заурядно. Простой парень из Конькова-Деревлева, живший в двухкомнатной квартире с

родителями и старшей сестрой, которая вышла замуж и родила сына. Короче, пятеро взрослых и один маленький ребенок на сорока квадратных метрах. Это был сумасшедший дом. Вот тогда, под крики племянника и с неосуществимой мечтой ворваться в туалет в тот момент, когда этого очень хочется, шестнадцатилетний Вольнов раз и навсегда решил для себя, что никогда не будет жить этой ужасной жизнью, он из нее вырвется, обязательно и очень скоро.

Вывраться из родного дома можно было, лишь выгодно женившись. Ну не может же он жениться на бесприданнице и привести ее седьмой жительницей в двухкомнатную малогабаритку. Нет, конечно, плодить нищету никак не входило в его планы. И Вольнов стал искать себе подходящую партию. Несмотря на то что он был хорош собой, обаятелен и к тому же хорошо играл на гитаре, это оказалось непросто. Чтобы понять потенциал претендентки, надо было побывать у нее дома, познакомиться с родителями и произвести на них должное впечатление. Девушки влюблялись, родителей он очаровывал, но те, к сожалению, не дотягивали до нужных Андрею параметров.

Многие претендентки имели неплохие шансы. Попадались профессорские дочери, наследницы директоров магазинов и ресторанов, дантистов, но все это было не то. Не тот размах. Ведь впереди распределение, которого в советские годы трудно было избежать, но еще труднее молодому человеку устроиться на престижную работу, кроме того, совсем

не хотелось терять время в армии, куда ему обязательно придется пойти после окончания университета. Пусть и один год, все равно жаль — за этот год карьеру можно сделать.

Естественный отбор невест шел своим чередом, приближалась защита диплома, а той самой единственной и неповторимой в понимании Вольнова не было. Но он твердо верил в то, что удача улыбнется ему или уж, во всяком случае, не отвернется и в последний момент подкинет выигрышный билетик. Видимо, уверенность, что он непременно встретит девушку, которая поможет ему взлететь по социальной лестнице на много маршей вверх, привела к тому, что именно так и произошло.

Зимой, уже практически перед самой защитой диплома и распределением, однокурсник Жора пригласил его на день рождения своей младшей сестры. Андрей, естественно, согласился. Соберется много девчонок, правда, они еще школьницы, десятиклассницы, ну тем лучше, будут смотреть на них, студентов факультета журналистики, открыв рот.

Вольнов сразу выхватил взглядом одну из подружек, спокойно отреагировавшую на появление блистательных, таких взрослых молодых людей в школьной компании. Кстати сказать, взрослые ребята там были и помимо них. Некоторые девочки пришли со своими молодыми людьми, тоже студентами.

Сестра однокурсника училась в очень престижной спецшколе в самом центре Москвы. Там углубленно изучали ан-

глийский и французский языки. В этой школе учились дети никак не из маргинальных семей. Девочки, как на подбор, завидные потенциальные невесты, которые в девках явно не засидятся.

Лена, так звали избранницу Вольнова, была девушкой симпатичной, но, что особенно впечатлило юного Казанову, хоть на вид она была одета вроде бы неброско, на ней был пиджачок из тонкой черной лайки, по тем временам вещь шикарная и свидетельствующая об избранности ее обладательницы. Не иначе, родители какие-нибудь шишки или из-за границы не выезжат. Мало ли... Во всяком случае, за барышней явно что-то стоит, а что именно – это предстояло выяснить.

И Вольнов безотлагательно взялся за дело. Весь вечер он ухаживал за Леной, танцевал с ней, но, когда захотел проводить домой, она сказала, что живет совсем недалеко и у подъезда ее встретит папа. А потом пропала в самый неожиданный момент задолго до того, как гости начали расходиться.

Когда Вольнов обнаружил, что девушка ушла, даже не попрощавшись с ним, сестренка однокурсника Георгия доверительно шепнула ему, что Лена живет вовсе не так близко, а в высотке на Котельнической набережной и за ней к определенному времени приехала машина, вот она и ушла, что называется, по-английски.

«Это уже что-то, – обрадовался в душе Вольнов. – Кажет-

ся, я на верном пути».

Он знал, что произвел на Лену должное впечатление, она и телефон ему свой оставила, так что теперь надо действовать быстро и уверенно. С девушкой, конечно, проблем не будет, она уже влюблена и с каждым днем будет влюбляться все больше и больше, но вот родители...

В те времена отпрыски советской элиты охраной не пользовались, не посещали закрытые учебные заведения, тем более за рубежом. Образование они получали на родине, в коллективе соотечественников, как бы не имея никаких привилегий. Равенство тогда было превыше всего, но у него имелась и обратная сторона. В те времена даже в избранные коллективы, особенно в институты (не все ведь шли в МГИМО), попадали очень одаренные ребята из более чем простых семей, нередко с периферии, у них даже были какие-то льготы. Вольнов прекрасно помнил историю, о которой у них на факультете старались не то что не говорить, но даже и не вспоминать.

Тремя курсами старше на журфаке учился внук главы тогдашнего правительства страны, второго человека в государстве, чьи портреты наравне с образом партийного лидера носили участники демонстраций, проходившие по Красной площади весной и осенью.

Внук был парнем симпатичным и неглупым, о его происхождении знали многие, но своим поведением он никогда не подчеркивал высокого статуса, полученного им при рож-

дении, напротив, всячески его скрывал. Впрочем, так было принято во многих высокопоставленных семьях, старавшихся подчеркнуть свою близость к народу. Внук, видимо, воспринял это негласное правило очень искренне. Короче, он влюбился в однокурсницу, девушку из какого-то дальнего сибирского городка, из очень простой и, кажется, даже не очень благополучной семьи. Влюбился не на шутку. С первого взгляда. Но сразу не решился ей открыться. Два года они просто дружили, а потом все же выяснилось, что это любовь. Он с нее не сводил глаз, везде вместе – на лекциях, в библиотеке, у нее в общежитии к сессии готовились...

Так продолжалось довольно долго, на протяжении всего третьего курса, а потом наступили каникулы, которые они хотели провести вместе. Сразу после прохождения практики парень должен был поехать к ней на родину знакомиться с родителями. Девушка поехала в какую-то областную газету, а он остался в Москве стажироваться в «Известиях».

Как события проистекали дальше, никто не знает. Только, когда первого сентября все пришли на факультет, оказалось, что принц перевелся в МГИМО на международную журналистику, а Золушка пропала. Девочки из общежития, с которыми она дружила, писали ей домой, но оттуда не последовало никакого ответа. Документов ее в университете уже не было. Какова ее судьба, так никто и не узнал, явно она сложилась не так, как мечталось юной сибирячке, решившей, что своим трудом она завоюет место под солнцем. Слишком

близко она к нему подлетела на крыльях любви, спалили яркие лучи эти нежные крылышки, а девочка упала туда, откуда взлетала. Выжила ли? Кто знает.

На следующий день после знаменательного дня рождения Вольнов стал допытывать Жорку, кто да кто эта загадочная Лена. Тот долго темнил, а потом тихим голосом посоветовал приобрести машинку для закатывания губ. Девушка, конечно, очень и очень, родители у нее долгое время работали за границей, недавно вернулись, но родители – это не самое главное. У нее еще дедушка есть, и не один. И оба члены Политбюро. Жора тут же припомнил ту самую безрадостную факультетскую легенду о принце и Золушке и завершил свой спич философским изречением, что «чем ближе к вышке, тем виднее задница мартышки». На его взгляд, эта народная мудрость должна была окончательно отвратить амбициозного сокурсника от притязаний на загадочную Елену.

Не тут-то было. Легенды легендами, а Вольнов решил руководствоваться другим, не менее мудрым изречением: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского». Мысль не новая, но если повезет, то буду в нем купаться вместе с Ленкой. «А мне повезет. Я счастливчик», – принял безоговорочное решение Андрей. И ему повезло.

Препятствий их любви никто не чинил. Леночку в семье обожали и беспокоились только о ее счастье, а если девочка будет счастлива именно с этим парнем, значит, пусть женятся, как только ей исполнится восемнадцать. При возможно-

стях и желании принца можно сделать из любого. Это легче, чем найти настоящую любовь, мудро рассудил один из членов Политбюро, в чем его поддержал и другой. А если деды сказали свое веское «да», то им никто и помыслить не мог перечить.

Принца из Вольнова сделали довольно быстро. Надо сказать, при его амбициях особых усилий и не надо было прилагать. От службы в армии освободили, и Андрей получил распределение на телевидение, где ему была открыта широкая дорога. Он стал усиленно совершенствовать свой не очень свободный английский. С помощью любящей Елены это удалось сделать в кратчайшие сроки и позволило занять место собственного корреспондента программы «Время» в Лондоне.

Именно в этом статусе он и стал супругом единственной продолжательницы рода двух членов Политбюро. Они прожили вместе двадцать вполне счастливых лет. Именно в ту пору, когда слово Политбюро обладало мощной магической силой. Когда же эта магия пропала, в жизни Андрея появилась Алла Миркина.

Нельзя сказать, что Вольнов относился к категории людей, способных испытывать чувство благодарности. Напротив, невозможность декларировать, что всего, чего достиг в жизни, он добился своим умом, своим талантом, его не то чтобы удручала, но со временем даже стала раздражать. Как бы то ни было, но он всегда чувствовал себя – как это встарь

называлось на Руси – примак, зятем, принятым тестем в дом. Когда-то такое явление встречалось редко, но слово для него было. Неприятное слово, напоминающее о том, что он как бы примазался.

Что бы Вольнов ни сделал, чего бы ни добился, главным достижением в жизни всегда только и оставалась его удачная женитьба на внучке сразу двух членов Политбюро. Это затмевало все последующие заслуги.

Алла, женщина умная, сразу поняла, на какую педаль надо давить. В середине восьмидесятых Вольнов перешел из международного отдела в редакцию новостей, где стал вести новую очень популярную программу в духе времени, которую смотрела вся страна. Он сделался чуть ли не национальным героем. Алла работала на той же программе редактором.

При всяком удобном случае она восхищалась Вольновым, говорила о его огромном потенциале, что это только начало, что его время придет и он еще заявит о себе в полный голос. Вряд ли она обладала даром предвидения и знала, что жизнь поменяется на 180 градусов, откроются новые, просто невероятные возможности для самореализации. Она этого и предположить не могла, но женская интуиция подсказывала ей нужные слова, и они развернули Вольнова к ней лицом.

У него была безупречная репутация великолепного семьянина, преданного и любящего жену и души не чаявшего в сыне Борисе. Елена долго не могла родить. Андрей не очень расстраивался по этому поводу, представлялась воз-

возможность пожить для себя. Елена же переживала безумно, лечилась, они ездили на специальные курорты, но все тщетно. Когда же окончательно пришла к выводу, что детей у них не будет, перестала ждать и надеяться, выяснилось, что она беременна. Вольнов к тому времени уже достаточно созрел для отцовства и к долгожданному сыну отнесся с обожанием. Жене не изменял и старался быть святее папы римского. Еще бы, любая его шалость, будь таковая замечена, а замечена она была бы непременно, повлекла бы за собой необратимые последствия. Семейная честь должна была быть сохранена, как партбилет.

Но в стране повеял ветерок перемен. Почему-то так повелось, что он врывается в мир через семейный очаг, трещина между эпохами нередко проходит через семью. Социальные потрясения всегда ведут к историческому разрыву со всем, что было прежде. Люди отказываются от старых устоев, привычек, ритма жизни, работы.

Из новой жизни пропала былая система контроля и слежения, как сама сила членов Политбюро. Вольнов не собирался в рифму со сменой общественных формаций менять и свою семейную жизнь. Но он, несмотря на свой цинизм и прагматизм, обладал натурой поэтической. Сочетал в себе несочетаемое, наверное, это всегда и выносило его на поверхность. Во всяком случае, поэтическое начало одарило его редкой интуицией. Он был как птица, которая срывается с насиженного гнезда, почувствовав раньше других толчки далекого

землетрясения. Вот так интуитивно он сначала впервые изменил своей любящей Леночке, а потом и вовсе поменял ее на очень активную Аллочку, больше соответствующую новому времени.

С Аллой Вольнов начал новую жизнь и новую самостоятельную карьеру. Они первые создали свою собственную телевизионную компанию, а потом Андрей Константинович стал генеральным продюсером целого канала, в чем немалая заслуга принадлежала, по глубокому убеждению Миркиной, именно ей. Правда, Вольнов, кажется, этого мнения не разделял. Он давно привык к тому, что все делает и решает сам, а остальные ему только помогают. При этом он без помощников не пропадет, на их место придут другие, а вот без него все дело встанет.

Изменив однажды и даже получив с этого отличные, на его взгляд, дивиденды, Вольнов почувствовал вкус к смене партнеров. Алла старалась не замечать измен. Она прекрасно знала правило: если мужчина ушел от одной жены, то спокойно может повторить свой подвиг. И не раз. Чтобы не оказаться в положении брошенной жены, она благоразумно молчала. И чем спокойнее она выглядела, тем яростнее бушевали бури в ее душе, но до поры до времени она решила принять выжидательную позицию. Слишком многое стояло на кону, в большой игре нельзя поддаваться эмоциям.

Американская дочь

Звонок Люси Магвайер застал Алису Лисовскую дома.

– Дорогая, звоню поблагодарить тебя за своевременный звонок. Можно сказать, спасла. Я была на грани провала.

– Мы же договаривались, – рассудительно заметила Алиса. – Ну и как успехи? Твои расчеты оправдались?

– Больше чем. Готовься к глобальным переменам. Конечно, мы еще не заключили с ним письменных соглашений, но устная договоренность уже есть. Главное, лед тронулся, господа присяжные заседатели, я разорю его, заберу компанию и наберу новую команду, а ты будешь замещать меня на время отъездов домой.

– Не верится даже, – с некоторым сомнением проговорила Алиса. – Мне казалось, все, что ты задумала, так эфемерно, так далеко...

– Ближе, чем ты можешь себе представить, – весело обрывала ее Люси. – Как только Вольнов вернется в Москву, мы встретимся и он подпишет контракт, от которого будет потом долго харкать кровью.

– Я думаю, тебе еще рано праздновать победу. Он не так прост, как может показаться, а что касается устных договоренностей, то легко может от них отказаться. Человек настроения.

– Не откажется. Он – мой. Я это чувствую. Голос крови

толкнул его ко мне. Он думает, что увлечен мною как женщиной, не понимая истинной причины моей притягательности для него.

– Еще бы. Ему и в страшном сне не приснится, что ты его дочь. О Блоке что-нибудь говорил?

– Конечно. Хвост распушил, как павлин. Ждал от меня слов о его вечной молодости.

– Произнесла?

– О да, как заказывали. Рассказала историю своей семьи.

– Ты шутишь.

– Не своей, конечно. Что я, историй не знаю? Позаимствовала из эмигрантских биографий.

– Хорошо, значит, он ни о чем не догадывается, и тебе удалось его зацепить, если он мгновенно дошел до Блока.

– Не волнуйся, все идет по плану. Если сможешь, узнай дату и время его прилета, чтобы я смогла позвонить, как только он приземлится. Я безмерно благодарна за твою точную и своевременную информацию. Восемьдесят процентов успеха зависит от владения правильной информацией. Теперь еще один рывок.

– Хорошо. Я уточню, – без особого энтузиазма согласилась Алиса.

– И не грусти. Чтобы что-то получить, надо очень хорошо потрудиться. Мы с тобой молодцы и получим все, чего желаем. Целую, обнимаю, люблю, – протараторила Люси и повесила трубку.

Алиса не могла разобраться в своих чувствах после этого звонка. Она давно ждала его, но, когда дело приняло реальные очертания, ей стало немного не по себе.

С Люси она знакома давно. Их родители дружили. Алиса была поздним ребенком в семье и значительно моложе Люси, но разница в возрасте не помешала им подружиться: ведь они были коллегами. Несколько месяцев назад Люси позвонила очень взволнованная, долго расспрашивала о Вольнове, у которого работает Алиса. Потом позвонила еще раз и сообщила, что летит в Москву, есть проект, в котором может принять участие и Алиса. В Москву она собралась надолго, хотя всегда говорила, что в России ей делать нечего, она не только не вернется, но даже не понимает, как здесь работают ее соотечественники.

В Америке у нее муж, сын, престижная работа на телевидении и никаких ностальгических чувств к своей исторической родине. Скорее наоборот. В последнее время появились обида и злость. За мать, за отца. И все эти обиды шли от одного человека, который был для нее синонимом всей этой огромной страны под названием Россия.

Ее отец, Григорий Михайлович, как она узнала, будучи уже взрослой замужней женщиной, оказывается, не был ей родным, хотя любил ее и воспитывал как свою. С ее мамой, Маргаритой Григорьевной, они дружили со школы, вместе поступили в университет на факультет журналистики. Он был ее верным рыцарем, все вокруг знали о его чувствах, но

она воспринимала его только в качестве друга. Гриша все думал, как ему признаться в любви к своей прекрасной даме, а пока он тихо вздыхал и боролся со своей нерешительностью, юная Маргарита встретила полную противоположность своему стеснительному воздыхателю и влюбилась в него без памяти.

Ее избранником оказался высокий блондин с голубыми глазами, красивый, как древнегреческий герой. При этом он был необычайно остроумен, умел играть на гитаре, хорошо учился, читал стихи и вовремя умел завести разговор о высоком. У девушек он пользовался головокружительным успехом, но неожиданно для всех почему-то выбрал ее, студентку-первокурсницу, скромную, неброскую, но вполне симпатичную домашнюю девочку из профессорской семьи.

Маргарита была счастлива. Она и думать забыла о тихом Грише, спешила в университет, чтобы побыстрее встретиться со своим принцем Андреем Вольновым. Они виделись каждый день, он познакомился с ее родителями, на которых произвел благоприятное впечатление. И так само собой сложилось, без всяких предложений и обещаний с его стороны, что он оказался в статусе жениха.

Как-то родители уехали на дачу, и Андрей остался ночевать у своей невесты. Так было несколько раз, а потом вдруг он неожиданно пропал. Не звонил и не отвечал на телефонные звонки. В университете она никак не могла его увидеть, то Андрей еще не приходил, то уже успел уйти. Он уже пи-

сал диплом, хлопотал о распределении, а Маргарита мучилась одним вопросом: как сообщить родителям о внезапном разрыве с уже признанным и принятым в доме женихом, а самое главное — о том, что она беременна.

В этот трудный для девушки период верный Гриша ее не бросил. Он жутко переживал Маргаритин роман с Вольновым и внезапный обрыв этих отношений воспринял с огромным облегчением. Он понимал, что Маргарита не любит его. Однако она обижена, раздавлена ситуацией, в которую попала, и он не бросит ее ни при каких обстоятельствах. Узнав, что любимая девушка ждет ребенка, он нашел самое простое решение этой, казалось бы, неразрешимой проблемы. Предложил Маргарите свою руку, сердце и надежную защиту от сплетен и пересудов.

Вольнов умудрился так ни разу и не встретиться со своей обманутой невестой. Она вышла замуж за Гришу. Андрей вскоре выгодно женился, и это активно обсуждалось по всему факультету. Кто-то восхищался, кто-то откровенно завидовал. О его романе с серой мышкой с первого курса никто и не вспоминал. Тем более что после летних каникул она взяла академический отпуск. С глаз долой, из сердца вон.

Григорий Рыбник перевелся на вечернее отделение. Родилась дочка, нужны были деньги. Он пошел работать в заводскую многотиражку. Маргарита хоть и была из профессорской семьи, но особых связей в области журналистики у ее родителей не было, они преподавали в техническом вузе.

Родители Гриши и вовсе были простыми инженерами.

Надеяться было не на кого, кроме как на себя самого.

И все же молодой человек был полон энтузиазма и совершенно счастлив. Университет окончил с красным дипломом. Маргарита, сначала из чувства благодарности, а потом и сердцем, отогретым теплом любви Григория, тоже его любила. Дочь-красавица. Что еще человеку нужно?

Мужчине, конечно, нужна карьера, а с этим было сложнее. Гриша работал в своей многотиражке и подрабатывал внештатником везде, где только можно. Печатали его охотно, но, чтобы попасть в штат, не хватало связей, да и фамилия с национальностью тогда были серьезным препятствием на пути продвижения по служебной лестнице. И все же потихоньку он карабкался по ней.

Кончился застой. Стали намечаться перемены. На телевидении создавалась новая прогрессивная программа в духе гласности. Туда требовались корреспонденты и даже ведущий. Григорий не знал, что ведущий уже давно есть, под него-то программа и создавалась. Впрочем, его вполне устроила бы и работа корреспондента.

Но видимо, Андрей Вольнов был злым гением его судьбы. Именно под него делалась программа, и главный редактор с ним согласовывал кандидатуры на все незаполненные вакансии. Когда-то Маргарита мимоходом познакомила его со своим другом детства Гришей. Виделись они один раз. Вольнов и думать забыл об обманутой им бывшей невесте, но по-

явление ее друга на мгновение всколыхнуло в нем неприятное воспоминание. Чтобы побыстрее отмахнуться от него, на вопрос главного редактора «Берем?» Вольнов мгновенно отреагировал:

– Думаю, нет. Я помню его по университету. Чисто визу- ально. Звезд с неба точно не хватал. Мне кажется, он недо- статочно инициативен. Нам нужны активные, смелые, яркие ребята, люди новой формации. Каждый сюжет должен быть сенсацией. У нас есть выбор. Зачем брать первого встречно- го?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.